ФИНЛЯНДІЯ.

0530Pb

ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

выпускъ ххи.

1. Торпари и безземельные.—Торпарскій вопрось. Торпари и безземельные въ программахъ финляндскихъ партій. Ссудный фондъ безземельнаго населенія. Колонизаціонный фондъ. Попытки осуществленія «внутренней колонизаціи». Высочайшія предложенія на сеймахъ 1913 и 1914 годовъ. Комиссія для разсмотрівнія вопроса объ упорядоченіи арендныхъ отношеній. Вопрось о роспускі сейма въ связи съ отклоненіемъ Высочайшихъ предложеній. Предположеніе о наділеніи землею торпарей и безземельныхъ при посредстві Крестьянскаго Банка. Высочайшій Манифесть о продленіи арендныхъ сроковъ.

2. Къ десятильтію со дня кончины Генераль-Адъютанта Н. И. Бобрикова.

- CERTIFICATION

ПЕТРОГРАДЪ. Государственная Типографія.

1916.

Къ десятилътію со дня кончины Генералъ-Адъютанта Н. И. Бобрикова.

4 іюня 1914 года.

Финляндская политическія преступленія.

Финляндское общество любить при всякомъ случать гордиться •лояльность» и своею лойяльностью и, утверждая, что въ его средв немыслимы грубыя политическія преступленія, требовать къ себѣ на этомъ основаніи проявленій особеннаго уваженія. Обнаруживать д'єйствительную лойяльность въ наше время темъ легче, что после такихъ трагическихъ событій, какъ напр., убійство въ Женевѣ австрійской императрицы, убійство президента Карно или президента Кливелэнда, подобнаго рода преступленія должны быть окончательно признаны не только отвратительнымъ злодъйствомъ, но еще и совершенно негоднымъ средствомъ для пропаганды какихъ-либо идей или достиженія какихъ-либо практическихъ цѣлей. Поэтому даже дъйствительное соблюдение строгой лойяльности еще не могло бы быть какою-либо особою заслугой. И, однако, финляндское общество на самомъ дълъ не можетъ похвалиться даже и столь скромнымъ достоинствомъ. Оно имъло одинъ весьма удобный случай доказать на деле свою прославленную лойяльность: это было то время, когда Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи состоялъ покойный генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ и когда д'вятели финляндскаго сепаратизма впервые встрътились въ немъ лицомъ къ лицу съ убѣжденнымъ и сильнымъ противникомъ, державшимся своихъ, независимыхъ отъ мъстныхъ вліяній, опредъленныхъ и ясныхъ взглядовъ и имъвшимъ твердость проводить эти взгляды въ своей служебной діятельности. Случай для проявленія лойяльности былъ темъ более удобенъ, что даже политические и идейные враги генерала Бобрикова были вынуждены признавать его высокія личныя нравственныя качества и уважать его прямой, честный и незлобивый характерь, -и еще тымь, что и въ госу-

ФИНЛЯНДІЯ.

ОБЗОРЪ

ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ. ВЫПУСКЪ XXII.

ПЕТРОГРАДЪ. Государственная Типографія. 1916.

Къ десятилътію со дня кончины Генералъ-Адъютанта Н.И. Бобрикова.

4 іюня 1914 года.

Финляндская «лояльность» и политическія преступленія.

Финляндское общество любить при всякомъ случаѣ гордиться своею лойяльностью и, утверждая, что въ его средъ немыслимы грубыя политическія преступленія, требовать къ себъ на этомъ основаніи проявленій особеннаго уваженія. Обнаруживать дъйствительную лойяльность въ наше время тъмъ легче, что послъ такихъ трагическихъ событій, какъ напр., убійство въ Женевъ австрійской императрицы, убійство президента Карно или президента Кливелэнда, подобнаго рода преступленія должны окончательно признаны отвратительнымъ злодъйствомъ, но еще и совершенно негоднымъ средствомъ для пропаганды какихъ-либо идей или достиженія какихъ-либо практическихъ цълей. Поэтому даже дъйствительное соблюденіе строгой лойяльности еще не могло бы быть какою-либо особою заслугой. И, однако, финляндское общество на самомъ дѣлѣ не можетъ похвалиться даже и столь скромнымъ достоинствомъ. Оно имъло одинъ весьма удобный случай доказать на дѣлѣ свою прославленную лойяльность: это было то время, когда Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи состоялъ генералъ-адъютантъ Н.И. Бобриковъ и когда дъятели финляндскаго сепаратизма впервые встрѣтились въ немъ лицомъ къ лицу съ убъжденнымъ и сильнымъ

противникомъ, державшимся своихъ, независимыхъ отъ мъстныхъ вліяній, опредъленныхъ и ясныхъ взглядовъ и имъвшимъ твердость проводить эти взгляды въ своей служебной дъятельности. Случай для проявленія лойяльности быль тъмъ болъе удобенъ, что даже политическіе и идейные враги генерала Бобрикова были вынуждены признавать его высокія личныя нравственныя качества и уважать его прямой, честный и незлобивый характеръ, — и еще тъмъ, что и государственной его дъятельности средства, употреблявшіяся имъ для достиженія намѣчавшихся государственныхъ цѣлей, всегда сдержанностью и безупречностью.

Доказало свою лойяльность финляндское общество при этомъ удобномъ случаѣ страннымъ способомъ. Оно выдълило изъ своей среды — притомъ изъ той своей части, которая притязала на особое уваженіе, вліяніе и довъріе, — преступника, насильственно пресѣкшаго жизнь Губернатора. За этимъ злодъяніемъ послъдовалъ рядъ другихъ, — политическія убійства и покушенія на убійства, въ томъ числѣ на жизнь помощника Генералъ-Губернатора, нынъ благополучно здравствующаго, члена Государственнаго Совъта, т. с. Дейтриха. Далъе пошли тайные ввозы оружія, образованіе тайной военной организаціи «Войма» и т.п. Вмѣстѣ съ тѣмъ имя убійцы, для вящаго проявленія «лойяльности», стало прославляться, увѣковѣчиваться, національнаго героя.

Прославляя имя убійцы, шведско-финскіе дѣятели усиленно однако стараются утверждать, что какъ злодѣяніе убійцы генерала Бобрикова, такъ и

другія подобныя же политическія преступленія были единоличными дъяніями своихъ виновниковъ, дѣйствовавшихъ по собственному почину соучастниковъ. Однако, имѣвшихъ существованія въ Финляндіи особой «партіи активнаго сопротивленія», несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что преступленія политическія подготовлялись совершались при ближайшемъ содъйствіи весьма многихъ.

Объ этомъ очень откровенно сообщалъ, напр.. небезъизвѣстный дѣлъ, Конни знатокъ этихъ Циліакусъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Nya Pressen» (1913 г., № 122), въ которой онъ разсказываетъ исторію совершенія нъкимъ Матти Рейниккой извъстнаго покушенія на жизнь выборгскаго губернатора Мясоъдова. Оказывается, что тотъ же Рейникка ранъе задумывалъ убійство прокурора Сената Іонсона, но былъ арестованъ и только благодаря содъйствію мъстнаго общества бъжалъ и подготовилъ свое преступленіе. Онъ не избъгъ наказанія только потому, что назначенное ему мъстнымъ судомъ наказаніе было весьма легкимъ. Поэтому ему и не устроили новаго бъгства, такъ какъ нашли для него болъе выгоднымъ отбыть это легкое наказаніе. Преступнику же, вмѣсто Рейникки стрълявшему въ прокурора Іонсона, побъгъ былъ устроенъ «въ короткое время».

Такова дъйствительная «лойяльность» финляндскаго общества и его «непоколебимая приверженность къ законности и праву».

Въ 1914 году исполнилось десятилътіе со дня страдальческой кончины генерала Бобрикова. Всъ тъ, кому дорога память покойнаго русскаго патріота,

государственнаго дъятеля выдающагося И безупречнаго человѣка, почтили ЭТУ память СЪ любовью и горячимъ уваженіемъ. Финляндское же общество даже и теперь, черезъ десять лѣтъ, не пошло дальше прежняго въ своемъ своеобразномъ пониманіи лойяльности, и не только не нашло ни одного достойнаго и безпристрастнаго слова для выраженія уваженія къ памяти почившаго, по еще признало умъстнымъ и приличнымъ протестовать противъ чествованій его памяти, въ то же время дѣлая новыя попытки къ прославленію его убійцы.

Такъ доказываетъ финляндское общество свои права на довъріе и содъйствіе со стороны общества русскаго и ту върность и преданность Россіи, къ которымъ обязывали финляндцевъ еще Манифесты облагодътельствовавшаго Финляндію Императора Александра I.

«Февральскій Манифестъ» и раздраженіе финляндскіхъ сепаратистовъ противъ генерала Бобрикова.

Третьяго февраля 1899 года, въ бытность Генералъ-Адъютанта Н.И. Бобрикова Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о порядкѣ изданія законовъ по дѣламъ, касающимся всей Имперіи, со включеніемъ Финляндіи. Манифестъ этотъ, въ выработкѣ котораго генералъ Бобриковъ принималъ самое горячее участіе, не только въ самомъ корнѣ полагалъ предѣлъ той системѣ финляндскихъ правовыхъ захватовъ, которую сами финляндскіе дѣятели называютъ «процессомъ созиданія финляндской конституціи», но и отмѣчалъ

собою начало уничтоженія слѣдовъ уже произведенныхъ захватовъ и возвращеніе края къ правовому положенію, законно ему подобающему.

Такой успъхъ политики генерала Бобрикова, соединявшей твердость съ умъренностью, требованія общегосударственные законностью СЪ И потребностями интересы мѣстными сохраненіемъ его автономіи, но упразднявшей надежды финляндскихъ дъятелей на достижение Финляндіею самостоятельнаго государственнаго бытія, не остался безъ отвъта со стороны непримиримыхъ дъятелей финляндскаго сепаратизма, во главъ которыхъ стояли финляндскіе шведы, съумѣвшіе привлечь къ союзу съ собою немало представителей финскаго русскаго образованнаго общества. Была организована ръзко враждебная Россіи пропаганда, обнаружившая многіе изъ прежде скрывавшихся финляндскихъ замысловъ, обострившая прежніе, болѣе терпѣливые, достиженія сепаратистскихъ цѣлей принявшая, между прочимъ, видъ упорнаго пассивнаго сопротивленія всѣмъ мѣропріятіямъ правительства. Спокойно и хладнокровно встрътилъ Генералъ-Губернаторъ эту вспышку разоблаченнаго сепаратизма, и его борьба съ пропагандою вражды къ Россіи оказалась весьма дъйствительной и плодотворной. Въ 1904 году край былъ уже наканунъ полнаго успокоенія. Уже предначертывались мъры, выражавшія довъріе дальнѣйшему правительства мирному КЪ закономърному труду финляндскихъ общественныхъ дъятелей и земскихъ чиновъ. Сепаратисты видъли, что теряютъ свое положеніе безвозвратно.

Тогда въ средъ наиболъе непримиримыхъ изъ

нихъ возникло побужденіе перейти отъ оказавшагося несостоятельнымъ и безплоднымъ пассивнаго сопротивленія къ выступленію активному, рѣшительному и отчаянному. Признавшая свое безсиліе враждебная Россіи агитація завершилась тяжкимъ кровавымъ преступленіемъ.

Первое извъстіе о трагической кончинъ генерала Бобрикова.

Въ № 86 «Финляндской Газеты» за 1904 годъ появилась, обведенная траурной рамкой, статья, начинавшаяся слъдующими печальными словами:

«Въ ночь на 4-е Іюня тихо скончался Финляндскій Генералъ-Губернаторъ и командующій войсками финляндскаго военнаго округа, Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Бобриковъ, вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ преступной рукой въ 11 часовъ утра, въ четверть, 3-го Іюня».

Затъмъ, воздавъ должную дань скорби и уваженія къ памяти безвременно погибшаго замъчательнаго государственнаго дъятеля и пламеннаго патріота, въ словахъ, выражавшихъ первое движеніе возмущеннаго чувства, газета такъ описывала совершившееся потрясающее событіе:

Подробности убійства Генералъ-Губернатора.

«Въ четверть, 3-го Іюня, въ день, когда Генералъ-Губернаторъ обычно предсъдательствовалъ самъ въ общемъ собраніи хозяйственнаго департамента Императорскаго Финляндскаго Сената, Генералъ-

Адъютантъ Бобриковъ въ 11 часовъ утра прибылъ, по обыкновенію, пѣшкомъ къ зданію Сената. Отпустивъ сопровождавшихъ Его Высокопревосходительство, Генералъ-Губернаторъ прослѣдовалъ одинъ сенатскій вестибюль и затъмъ поднялся вверхъ по лъстницъ. Когда Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ вступилъ на площадку средняго этажа, въ него, со ступеней ведущаго на верхъ старта лъстницы, находившимся тамъ ранѣе лицомъ произведено было три выстрѣла изъ револьвера. Одна изъ пуль причинила только контузію груди, будучи остановлена висъвшимъ на ней, въ числъ прочихъ, орденомъ Св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра, другая пуля проникла въ полость живота и нанесла наиболѣе тяжкое пораненіе, третья зад'вла шею, не причинивъ серьезныхъ поврежденій».

На выстрѣлы выбѣжалъ сторожъ и хотѣлъ схватить преступника. Это, однако, ему не удалось. Отбѣжавъ на нѣсколько шаговъ, преступникъ двумя выстрълами въ сердце успълъ покончить съ собою. Въ эти трагическія минуты генералъ Бобриковъ проявилъ то же удивительное спокойствіе и самообладаніе, какія отличали всю его дъятельность. Раненый тремя пулями, онъ самъ вошелъ въ залу Сената и самъ успокаивалъ окружающихъ, поддавшихся неописуемому волненію. Однако, потеря крови дѣлала свое дъло. Силы генерала падали. При медицинскомъ осмотръ одна изъ ранъ, въ полость живота, оказалась весьма тяжелою. Лучшій изъ мъстныхъ хирурговъ, шведъ, опредълилъ необходимость операции: не только извлеченія пули, но и удаленія части тонкихъ кишекъ. Однако, произвести эту операцію самъ онъ отказался.

Опасался ли онъ, въ случаѣ неудачи, навлечь на себя тяжкія подозрѣнія, или не хотѣлъ непосредственно содѣйствовать устраненію роковыхъ послѣдствій преступленія одного изъ своихъ соплеменниковъ, — это вопросъ его совѣсти. Операцію произвелъ русскій врачъ — и, по общему признанію, удачно. У окружающихъ окрѣпла надежда на благополучный исходъ ужаснаго событія. Супругою раненаго, Е.И. Бобриковой была получена Высочайшая телеграмма слѣдующаго содержанія (см. «Финляндская Газета», 1904 г., № 86):

Высочайшія телеграммы.

«Возмущенъ до глубины души злодъйскимъ преступленіемъ. Молю Бога о полномъ и скоромъ выздоровленіи Николая Ивановича. Узналъ съ удовольствіемъ объ удачномъ окончаніи операціи. Когда найдете возможнымъ, передайте вашему мужу Мой привътъ и искреннее пожеланіе ему быстраго поправленія.

Николай»

Къ несчастью, надеждамъ на благополучный исходъ не суждено было оправдаться. Несмотря на удачу операціи, она не спасла жизни Генералъ-Губернатора. Потеря крови слишкомъ ослабила дъятельность сердца, которое мало по малу перестало биться. Генералъ тихо скончался.

4 іюня послѣдовала вторая Высочайшая телеграмма Е.И. Бобриковой («Финл. Газета», 1904 г., № 86):

«Съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ о

кончинъ вашего мужа. Да поможетъ вамъ Господь перенесть тяжелую горестную утрату. Имя Николая Ивановича Бобрикова будетъ всегда памятно истинно русскимъ людямъ».

Первое впечатлѣніе трагическаго событія.

Генерала Бобрикова не стало. Не стало государственнаго дъятеля, приготовлявшаго для Финляндіи дъйствительно лучшее будущее и въ ея внутреннемъ быту, и въ ея отношеніяхъ къ великому народу и великому государству, въ составъ которыхъ она неразрывно введена исторіей.

«Настанетъ время — говорила «Финляндская Газета» (1904 г., № 86) — когда громадное большинство финляндцевъ научится горькимъ опытомъ цѣнить заслугу усопшаго передъ ихъ роднымъ краемъ и съ презрѣніемъ отвернется отъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя увѣнчали долголѣтнюю цѣпь своихъ противуправительственныхъ дѣяній подлымъ убійствомъ изъ за угла».

«Финляндія лишилась въ Н.И. Бобриковѣ — говорила та же газета (1904 г., № 91) — такого человѣка, который приводилъ ее къ умиротворенію безъ нарушенія главнѣйшихъ особенностей ея самоуправленія, на началахъ, дарованныхъ Русскими Государями».

Императорскій Финляндскій Сенатъ счелъ своимъ долгомъ выразить въ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ свое негодованіе по поводу совершеннаго злодъйства и свое осужденіе преступнику.

Убійца.

однако, былъ этотъ загадочный Кто же, преступникъ? Разслъдованіе очень быстро и безъ всякаго труда установило его имя. Убійцей оказался вице-герадсгевдингъ, каммерфервандтъ управленія училищнаго в'вдомства въ Финляндіи, Евгеній Шауманъ, сынъ уволеннаго въ 1900 г. въ отставку сенатора Шаумана. Служебное положеніе и прежнее положеніе въ Сенатъ его отца доставили ему помъщеніе проникнуть возможность ВЪ Сената, возбуждая Императорскаго не подозрѣній, приводить исполненіе ВЪ преступный замыселъ, не чувствуя ни малъйшаго стъсненія въ своихъ дъйствіяхъ.

Нътъ надобности возвращаться теперь, прошествіи десятилѣтія съ того трагическаго дня, къ вызваннымъ имъ сужденіямъ какъ русской, такъ и финляндской печати. Можно развѣ мимоходомъ упомянуть о появившемся въ газетахъ того времени характерномъ заявленіи какой-то финляндкиэмигрантки въ Лондонъ, что до этого дня она стыдилась своего финляндскаго отечества, а послъ того стала гордиться имъ. Не лишнее, однако, нъсколько сужденіяхъ, остановиться высказанныхъ на нѣкоторыми изъ заграничныхъ газетъ.

Заграничные отклики.

«Gaulois».

Парижская газета «Gaulois» отъ 17 іюля 1904 г. писала:

«Было бы странно, если бы финляндцы были искренними, когда они при всякомъ удобномъ случаъ

въ извъстной части европейской печати утверждали, что они върны Самодержавію: совершенный нынъ въ Гельсингфорсъ актъ былъ бы тому поразительнымъ противоръчіемъ».

«Eclair».

Газета «Eclair» отъ того же дня писала:

«Шауманъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ финляндскихъ кружковъ, которые для протеста мѣръ обрусънія Финляндіи, принятыхъ русскимъ правительствомъ, соединились съ шведскими агитаторами и революціонерами. Онъ дъйствовалъ подъ вліяніемъ пропаганды, веденной какъ въ Россіи, такъ и за границей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы возстановить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи. Эта пропаганда не проникла въ финскій народъ, который весьма привязанъ къ Россіи, но она нашла себъ приверженцевъ въ извъстныхъ классахъ общества, у которыхъ обрусѣніе отняло такія привилегіи, которыми они злоупотребляли».

«Evénement».

Газета «Evénement» отъ 18-го іюня 1904 г. писала: «Шауманъ совершилъ свое преступленіе подъ вліяніемъ той ненавистнической пропаганды, которая уже нѣсколько лѣтъ какъ ведется въ Россіи и заграницей съ цѣлью возстановленія общественнаго мнѣнія противъ Россіи».

«Narodni Listy».

Чешская газета «Narodni Listy» (см. «Финл. Газета», 1904 г., N° 91) такъ объясняла совершившееся

трагическое событіе:

«Казалось, что финны примиряются съ правительственными мѣропріятіями, особенно, когда Царь проявилъ свою милость къ сельскому люду Финляндіи, т.е. истиннымъ финнамъ, дарованіемъ имъ значительныхъ денежныхъ пособій и казенной земли. Это-то, поводимому, и заставило интеллигенцію нефинскаго происхожденія, борющуюся съ русскимъ правительствомъ за власть надъ финнами, перейти къ новымъ «рѣшительнымъ мѣрамъ».

Эти сужденія «Народныхъ Листовъ» могутъ служить нѣкоторымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный тою же газетою въ другомъ мѣстѣ (см. «Финл. Газета», 1904 г., № 93):

«Онъ (Бобриковъ) всегда охранялъ интересы финновъ, ихъ автономію, ихъ языкъ и самобытность. Не всѣ его сотрудники относились къ финнамъ такимъ же образомъ. Почему же рука убійцы выбрала именно друга финновъ?

«Несомнънно, что убійца генерала Бобрикова въ преступномъ своемъ фанатизмъ выразилъ злобныя къ Россіи чувства не однихъ только шведскихъ представителей финляндскаго общества. Но можно считать столь же несомнъннымъ, что если эти чувства раздъляются съ ними и нъкоторыми изъ финновъ, то именно тъми, которые позволили увлечь себя гибельному вихрю безумной агитаціи исконныхъ своихъ противниковъ — шведовъ».

Почитаніе памяти генерала Бобрикова. Ежегодные поминальные объды.

Генерала Бобрикова не стало, но память его

осталась такой-же живой и дъятельной, какимъ былъ и самъ онъ при жизни. Скромно, но тепло стала храниться и чествоваться эта память изъ года въ годъ наиболѣе сотрудниковъ его И сочувствующихъ государственныхъ дъятелей. имъ Ежегодно, 3 февраля, въ памятный день обнародованія Высочайшаго Манифеста 1899 года, провозгласившаго ту идею, за которую положилъ свою жизнь генералъ Бобриковъ, стали собираться на объды-поминки послѣдователи продолжатели дѣятельности И государственнаго человъка, впервые поставившаго на должную высоту русское имя на финляндской окраинъ. Прошелъ бурный 1905 годъ, грозившій, казалось, усилій плоды нѣсколькихъ запечатлѣнныхъ кровью павшаго на своемъ посту Генералъ-Губернатора, — и государственная идея, исполненная глубокаго жизненнаго смысла, оказалась сильнъе преходящихъ потрясеній. Она оказалась попрежнему живою, дъятельною и объединяющею тъ же силы.

«Бобриковщина».

Не всѣ, правда, русскіе дѣятели всегда умѣли надлежащимъ образомъ цѣнить заслуги Н.И. Бобрикова; порою въ ихъ же средѣ замѣчалось и другое теченіе мысли, признававшее умѣстнымъ относиться къ заслугамъ покойнаго Генералъ-Губернатора если не отрицательно, то все-же съ неодобреніемъ. «Едва финляндскій вопросъ успѣлъ овладѣть общественнымъ вниманіемъ, писало «Новое Время» (1908 г., № 11530), едва появились первыя свѣдѣнія о предстоящихъ запросахъ по этому предмету въ Г. Думѣ, какъ въ

обращеніи появился новый терминъ — «бобриковщина», въ смыслѣ такой системы русской политики въ краѣ, которой не слѣдуетъ подражать впредь».

«Казалось-бы. нѣтъ никакой особенной реабилитаціи надобности покойнаго ВЪ Бобрикова. Лучшимъ памятникомъ ему служитъ добросовъстный и съ любовью выполненный трудъ М.М. Бородкина «Изъ новъйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н.И. Бобрикова». Изъ приведенныхъ тамъ данныхъ пο подлиннымъ дневникамъ, письмамъ и матеріаламъ покойнаго, какъ живой встаетъ передъ нами безупречный образъ этого борца за русское дѣло на сѣверной окраинѣ нашей». Но — писало «Новое Время» — немногіе даютъ себъ трудъ читать такіе монументальные труды, и легковъсно пускаемыя въ ходъ крылатыя словца дѣлаютъ свое вредное дѣло. Что-же вмѣнялось въ вину покойному Генералъ-Губернатору, объединялось что «бобриковщина»? По мнѣнію «Новаго Времени», это — «диктатура, отмѣна правовыхъ гарантій», «смѣщеніе безъ слѣдствія суда И политиканствующихъ чиновниковъ» и, наконецъ, — «увеличеніе штатовъ полиціи». Это — все, ибо газета не сомнѣвалась, «введеніе что русскаго языка дълопроизводство высшихъ присутственныхъ мъстъ учрежденіе фонда для улучшенія края, безземельнаго населенія Финляндіи, помощь мъстному населенію во время голодовки и т.д. не могли быть вмѣнены ему въ вину даже нашими лѣвыми кругами». Однако, какъ указывало «Новое Время», обвиненіе по всѣмъ тремъ пунктамъ какого-либо лишено

значенія. По практическаго первому «Диктатура на практикъ свелось къ тому, что за все время ея существованія Бобриковъ выслалъ изъ края пулусотни лицъ, особенно что-то около противоправительственною выдававшихся своею дъятельностью, съ Лео Мехелиномъ во главъ», причемъ высылка сводилась къ переѣзду въ Стокгольмъ, дабы еще свободнъе, нежели тамъ революціонною д'вятельностью». По второму пункту именно то-же самое сдълалъ и «конституціонный Сенатъ»: какъ только управленіе краемъ перешло въ его исключительный проводитъ онъ отмѣняющій принципъ несмѣняемости должностныхъ лицъ, пользуясь которымъ, безъ зазрѣнія совѣсти увольняетъ всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ правительственной партіи, т.е. конституціонному блоку (= шведы + младофинны)». По третьему пункту: Сенатъ не только не отмѣнилъ мѣръ Бобрикова по увеличенію состава полиціи, но наоборотъ — «втрое увеличилъ то количество полицейскихъ чиновъ, какое существовало при проклинаемомъ Бобриковъ». Такимъ образомъ, всъ обвиненія противъ Бобрикова «Новое Время» признавало клеветой, «притомъ на человъка, не могущаго уже оправдаться, что не прибавляетъ ей благородства. Слышать ее изъ устъ финляндцевъ обидно, но еще понятно, — въдь имъ нуженъ былъ этотъ миоъ о «тиранъ» для преступной пропаганды, для того, чтобы имъ, этимъ «миюомъ», затемнить разумъ молодого фанатика, обагрившаго ступени Финляндскаго Сената. Съ русской-же стороны «бобриковщина» ЭТО печальное недомысліе, свидѣтельствующее о крайнемъ убожествъ лишь

развитія нашихъ свѣжеиспеченныхъ политиковъ».

Какъ извъстно, впрочемъ, всъ эти легковъсныя обвиненія противъ покойнаго Генералъ-Губернатора безъ всякаго дѣйствія. Запросы Государственной финляндскимъ дѣламъ ВЪ состоялись и имъли послъдствіемъ лишь торжество идей Н.И. Бобрикова, выразившееся въ законъ 17 іюня г. объ общеимперскомъ 1910 законодательствъ и въ послѣдовавшихъ за направленныхъ законахъ, на укрѣпленіе СВЯЗИ финляндской окраины съ Имперіей.

Если, однако, въ средѣ русскихъ дѣятелей порою и могло проявляться какое-то колебаніе въ оцѣнкѣ выдающихся заслугъ Н.И. Бобрикова, то тѣ, кто знали и понимали дѣйствительное значеніе этихъ заслугъ, не уставали воздавать имъ дань своего почитанія и преклоненія. Ежегодные обѣды въ память Бобрикова послужили для его почитателей какъ-бы связующимъ звеномъ.

Въ «Новомъ Времени» (1907 г., № 11101) была напечатана слѣдующая замѣтка:

Второй объдъ.

«Второй объдъ Бобриковцевъ. Въ обычный день 3 февраля Бобриковцы собрались вторично за общимъ объденнымъ столомъ въ офицерскомъ собраніи арміи и флота, въ числъ около сорока человъкъ; примърно столько же лицъ прислали привътствія и телеграммы. Предсъдательствовалъ старшій Бобриковецъ, генералъ-адъютантъ Н.Н. Шиповъ; кромъ того въ объдъ участвовали члены Государственнаго Совъта В.Ф. Дейтрихъ, проф. Н.Д. Сергъевскій, Спб.

градоначальникъ генералъ-маіоръ Драчевскій, бывшій тавастгусскій губернаторъ А.А. Панковъ, генералы Золотаревъ, Кайгородовъ, Дзичканецъ, Бринкенъ, Ганенфельдъ, Фрейбергъ, тайный совътникъ Кудринъ, проф. П.А. Кулаковскій, А.А. Грингмутъ, генералъ Бородкинъ, Б.В. Никольскій, Н.Н. Корево, Н.Ч. Заіончковскій и др. Передъ столомъ помѣщенъ былъ декорированный цвътами портретъ Н.И. Бобрикова, а подъ нимъ обрамленныя пальмовыми вѣтвями Высочайшей телеграммы слова его смерти: «Имя Николая покойнаго въ день Ивановича Бобрикова будетъ всегда памятно истинно русскимъ людямъ». Послъ провозглашеннаго Н.Н. глубоко прочувствованномъ, Шиповымъ въ красноръчивомъ словъ Царскаго тоста, встръченнаго восторженнымъ «ура», послѣдовалъ рядъ рѣчей, закончившихся прочтеніемъ посвященнаго случаю стихотворенія. Альбомъ «перваго Бобриковцевъ», со спискомъ его участниковъ, телеграммами, привътствіями, стихами и т.п. былъ выложенъ на особый столъ для обозрѣнія. По окончаніи объда вдовъ генералъ-адъютанта Бобрикова, Елизаветъ Ивановнъ Бобриковой, послана была отъ лица всъхъ собравшихся привътственная телеграмма.

Восьмой объдъ.

Постепенно кругъ участниковъ «Бобриковскихъ объдовъ» расширялся, и опустъвшія мъста окончившихъ свое жизненное поприще съ избыткомъ замъщались другими дъятелями русскаго дъла, объединенными тою же русскою государственною идеей, доблестный примъръ служенія

которой далъ Н.И. Бобриковъ. Если въ 1907 году на обѣдѣ присутствовало около сорока человѣкъ, то въ 1913 году собралось уже около восьмидесяти, какъ сообщало то же «Новое Время» (1913 г., № 13255):

«3 февраля въ офицерскомъ собраніи арміи и состоялся очередной годовой «бобриковцевъ». Собралось 78 человъкъ, среди нихъ члены Гос. Совъта: генералъ Сухотинъ, Пихно, Стишинскій. помощникъ главнокомандующаго войсками петербургскаго военнаго округа генералълейтенантъ Ольховскій, финляндскій генералъгубернаторъ генералъ-лейтенантъ Зейнъ, командиръ 22 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-деръ-Бринкенъ, командиръ перваго армейскаго корпуса генералъ Артамоновъ, сенаторы финляндскаго сената Гедлундъ, Марковъ, Котенъ, прокуроръ сената Хозяиновъ, Бородкинъ, H. Корево, выборгскій генералъ-лейтенантъ комендантъ губернаторъ фонъ-Фалеръ. Предсъдательствовавшій на объдъ членъ Государственнаго Совъта Дейтрихъ провозгласилъ здравицу за Августъйшаго Державнаго Хозяина. Вдовъ покойнаго генералъ-губернатора привътственная телеграмма. Сенаторомъ послана Дейтрихомъ въ этотъ день изъ Имперіи и Финляндіи получено много телеграммъ, среди нихъ отъ тайнаго совътника Звърева, отсутствовавшаго по болъзни».

Девятый объдъ.

Девятый объдъ, совпавшій съ днемъ пятнадцатилътія «февральскаго Манифеста» и состоявшійся за четыре мъсяца до дня десятой годовщины смерти Н.И. Бобрикова, отличался

особенно теплымъ чествованіемъ его памяти. «Новое Время» (1914 г., N° 13014) сообщало объ этомъ объдъ слъдующія подробности:

«Среди присутствующихъ были: финляндскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Зейнъ, министръ статсъ-секретарь дѣламъ Финляндіи генералъ Марковъ, его помощникъ П.И. Ивановъ, вице-предсъдатель финляндскаго сената М.М. Боровитиновъ, сенаторы г.г. Казанскій Гедлундъ, члены Государственнаго Совѣта Дейтрихъ (предсъдательствовавшій на объдъ), Г.А. Лошкаревъ, И.Е. Раковичъ, Я.Н. Офросимовъ и генералъ Н.Н. Сухотинъ, генералы: А.П. Скугаревскій, комендантъ Выборгской кръпости Петровъ, выборгскій губернаторъ фонъ-Фалеръ, сенаторъ генералъ М.М. Бородкинъ, членъ военнаго совъта Любавскій, статсъсекретарь Государственнаго Совъта Н.Н. Корево. Рейнботъ, Меньчуковъ, Н.Н. Беклемишевъ и др., А.А. Башмаковъ, П.Г. Бывалькевичъ, полковникъ М.Я. Балясный, Б.К. Ординъ (сынъ извъстнаго писателя по исторіи Финляндіи), штабсъ-ротмистръ Бобриковъ (сынъ покойнаго генералъ-адъютанта Бобрикова), полковникъ Рыльскій и мн. др.

Воспоминанія генерала Зейна.

«Послѣ восторженно встрѣченнаго тоста за Государя Императора генералъ Ф.А. Зейнъ въ глубоко прочувствованной и приковавшей къ себѣ вниманіе рѣчи вспомнилъ по личнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ о послѣднихъ минутахъ мученической кончины Бобрикова... Н.И. Бобриковъ зналъ, что умираетъ, и, какъ христіанинъ, съ вѣрой, съ

мужествомъ, твердый духомъ до послѣдней минуты, отошелъ въ иной міръ, оставивъ намъ запѣть служить могучей, единой, нераздѣльной Руси.

Рѣчь М.М. Бородкина.

«Въ своей рѣчи сенаторъ генералъ M.M. Бородкинъ, указывая на то, что покойный Н.И. Бобриковъ намътилъ для финляндскаго края цълый рядъ задачъ великой государственной важности, замътилъ, что одна изъ такихъ задачъ заключается въ водвореніи русскаго языка въ извъстныхъ сферахъ мъстной администраціи, чего требуетъ честь и польза великой міровой русской державы. Недалеко то время, когда сама Финляндія потребуетъ введенія русскаго языка въ нѣкоторыхъ своихъ школахъ». Затѣмъ М.М. Бородкинъ отмътилъ рядъ другихъ плодотворныхъ мыслей покойнаго генералъ-губернатора, прочимъ, о необходимости совершившагося соединенія желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе котораго, по оратора, «финляндская окраина мнѣнію океаномъ русской торговли орошена И промышленности».

Рѣчи, тосты и телеграммы.

«М.Я. Балясный прочиталъ свои стихи, посвященные памяти Н.И. Бобрикова, подъ заглавіемъ «Море и скалы».

«Комендантъ Выборгской крѣпости генералъ Петровъ указалъ на быстро подвигающееся сооруженіе въ Выборгѣ на Петровой горѣ православнаго собора въ память завоеванія этого края Петромъ Великимъ».

А.А. Башмаковъ высказалъ мнѣніе о важности

возсоединенія всей Выборгской губерніи и широкой судебной реформы въ Финляндіи.

Были произнесены рѣчи и тосты П.Г. Бывалькевичемъ, членами Государственнаго Совѣта Я.Н. Офросимовымъ и И.Е. Раковичемъ и Министромъ Статсъ-Секретаремъ генераломъ Марковымъ, вспомнившимъ о неуклонной энергіи незабвеннаго Н.И. Бобрикова. Была отправлена телеграмма вдовѣ покойнаго генералъ-губернатора и выслушанъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, отъ профессора Н.О. Куплевасскаго, генерала Кайгородова и мн. др.

Финляндскія прославленія убійцы.

Но если такъ чествовали память крупнаго государственнаго дѣятеля одушевленные люди, государственной идеей высокой И мирнымъ созидательнымъ трудомъ, то дъятели финляндской вражды, борьбы и раздора со своей стороны дълали, что могли, въ прославленіе выразившаго ихъ чувства преступника. **Увъренія** «лойяльности», ВЪ «законопослушности» И преданности законности» не помѣшали имъ объединяться на имени убійцы и провозглашать его своимъ «героемъ». Почти невъроятныя свъдънія этого рода проникали въ печать. На слѣдующій же годъ послѣ злодѣянія нѣкоторымъ финляндскихъ сепаратистовъ изъ самихъ же признавать чрезмѣрнымъ усердіе приходилось рьяныхъ почитателей преступникаслишкомъ самоубійцы. Въ «Финляндской Газетѣ» за 1905 г. № 172, была помъщена слъдующая выдержка изъ статьи «Возбужденный слишкомъ преждевременно проектъ», напечатанной въ № 333 «Stockbolms Dagbladet» отъ 6 декабря 1905 г.

«Излишнее усердіе».

«Въ гельсингфорсскихъ газетахъ появилось за подписью Арпе Седергольма, Акселя Галлена и Венцеля Хагельстама воззваніе содержанія: такого «Убѣжденные, что мы выражаемъ мысль, съ 16-го іюня 1904 года живущую въ сознаніи націи, мы, не видя до сихъ поръ почина съ другой стороны, позволяемъ себъ пригласить нашихъ согражданъ обоего публичный митингъ 1-го декабря для обсужденія и ръшенія вопроса о томъ, какъ слъдуетъ увъковъчить достойнымъ образомъ память Шаумана въ назиданіе современникамъ и потомству».

Изъ дальнъйшаго изложенія видно, что «въ современникамъ назиданіе потомству» И гельсингфорсскіе студенты предложили поставить свободы Евгенія память ВЪ Шаумана». Появились однако возраженія, съ указаніемъ несвоевременность подобной затъи, которую надо отложить до времени, «когда страна и въ другихъ отношеніяхъ не будетъ до такой степени разрознена, какъ теперь».

Митингъ, привлекшій сравнительно немного посътителей и состоявшійся подъ предсъдательствомъ генерала Гриппенберга, ръшилъ не брать на себя въ настоящее время никакого почина по этому дълу. Не въ мъру усердные иниціаторы остались, однако, недовольны такимъ неодобреніемъ ихъ излишняго усердія и заявили въ газетахъ, что, по ихъ мнънію, «память Евгенія Шаумана можетъ только объединять, а не разъединять», и что «неблагопріятныхъ моментовъ

для увъковъченія этой памяти нътъ и не можетъ быть».

«Назиданіе современникамъ и потомству» получалось при этомъ тѣмъ болѣе памятное, что даже самые умѣренные признавали подобныя затѣи только «несвоевременными» и не только не возмущались ими и не протестовали противъ нихъ по существу, но требовали лишь «отложить» ихъ «до времени, когда» и т.д.

Годовщина убійства — финляндскій праздникъ.

Послѣ этого не удивительно, если къ чествованію памяти преступника-убійцы финляндскія газеты приглашали своихъ читателей не только совершенно открыто, но и въ весьма приподнятыхъ, высокопарныхъ выраженіяхъ, какъ это дѣлала, напр., газета «Framtid» (1908 г., № 24):

«Протекло четыре года съ самаго достопамятнаго дня въ новъйшей исторіи Финляндіи, дня Евгенія Шаумана... Никакія слова, никакія знамена, никакія факельныя шествія не выразятъ чувства благодарности и гордости, испытываемыхъ каждымъ честнымъ финляндцемъ при воспоминаніи о его подвигъ. Будемъ праздновать память Евгенія Шаумана молча, но не у себя въ одиночествъ. И пусть никогда не постигнетъ насъ позоръ забвенія и допущенія забыть его. Въ мрачныя и свътлыя времена память его должна жить, чистая и очищающая, какъ пламя факела свободы».

И газета приглашала Финляндію «помнить этотъ день, *героя* день».

Паломничества на могилу убійцы.

Подобныя приглашенія далеко не оставались безплодными, какъ это видно, напр., изъ сл 1 дующаго сообщенія («Новое Время», 1908 г., N^{0} 11542):

«Газета «Nya Pressen» сообщаетъ, что на-дняхъ семьдесятъ студентовъ Нюландскаго отдъленія предприняли увеселительную поъздку на пароходъ. Прибывъ въ Борго, вся компанія съ распущенными знаменами двинулась на могилу убійцы Н.И. Бобрикова, Евгенія Шаумана, чтобы при пъснопъніяхъ возложить на нее вънокъ. Съ пъснопъніями же вся честная компанія вернулась на пароходъ».

«Финляндская Газета» (1908 г., № 66) приводила, со словъ «Hufvudstadsbladet» (№ 128), нѣкоторыя подробности объ этомъ студенческомъ паломничествѣ:

«Въ прошлое воскресенье, въ 10 часамъ утра, до мужчинъ студентовъ, И женщинъ, гельсингфорсскаго университета, нюландскаго землячества, отправились на пароходъ въ Борго. «Послъ пріятнаго переъзда моремъ пароходъ «Borgå» — по словамъ газеты — остановился въ половинъ 2-го у городской пристани подъ звуки пѣсни «Привѣтъ тебѣ, о другъ». На пристани собралась большая толпа, встрѣтившая студентовъ. Затѣмъ студенты, отправились знаменемъ землячества впереди, процессіей къ могилъ Евгенія Шаумана. Когда была пропѣта «пѣснь Суоми» и. д. куратора нюландскаго землячества, студентъ Вернеръ Хугбергъ, сказалъ короткую рѣчь въ память Евгенія Шаумана и возложилъ на могилу вънокъ отъ нюландскаго землячества. Въ 4 часа всъ снова были на пароходъ и къ 7 часамъ вернулись въ Гельсингфорсъ».

Чествованія памяти убійцы.

Подобныя чествованія убійцы принимали разнообразныя формы и устраивались не незрълой молодежью. Напр., «Финляндская Газета» (1908 г., № 109) сообщала, со словъ «мѣстныхъ газетъ», что «въ главное училищное управленіе поступило изъ Генералъ-Губернаторской канцеляріи отношеніе, въ которомъ просили свъдъній относительно чествованія памяти Евгенія Шаумана, имѣвшаго мѣсто на съѣздѣ учителей шведскихъ народныхъ школъ въ прошломъ іюнъ въ Кристинестадъ». Однако-же «на запросъ училищнаго управленія предсѣдатель съѣзда магистръ Хольмбергъ отвѣтилъ, что съѣздъ профессіональными исключительно только экономическими вопросами»...

Прославленіе памяти убійцы было возведено «лойяльными финляндцами» на степень національнаго культа далеко не въ однѣхъ только подобнаго рода отдѣльныхъ выходкахъ. «Новое Время» (1909 г., № 12079) привело изъ «Московскихъ Вѣдомостей» слѣдующую «интересную справку для туристовъ по Финляндіи»:

«Реликвіи».

«Въ маленькомъ финляндскомъ городкъ Борго, пользующемся особымъ почитаніемъ въ краѣ, такъ какъ здѣсь сто лѣтъ назадъ, 15 марта 1809 года, открыть былъ Императоромъ Александромъ І первый самостоятельный финляндскій сеймъ, имѣется, въ числѣ мѣстныхъ достопримѣчательностей, небольшой

историческій музей. Нынъшнимъ лътомъ, одному изъ моихъ знакомыхъ, русскому, пришлось проъздомъ побывать въ Борго. Послъ осмотра древняго собора мъстный чичероне направилъ его, между прочимъ, въ помянутый музей, въ которомъ не оказалось ничего выдающагося; однако, невольно бросилась въ глаза поставленная на замѣтномъ мѣстѣ витрина съ какимъ-то платьемъ и окровавленнымъ бъльемъ.... Что это такое? — поинтересовался мой знакомый и, къ ужасу своему, услышалъ отвътъ, что это — «платье народнаго героя Евгенія Шаумана, въ которомъ онъ совершилъ 3-го іюня 1904 года убійство Генералъ-Губернатора Бобрикова, а затъмъ мужественно покончилъ съ собою».

Памятникъ Шауману.

На могилъ Шаумана на кладбищъ въ Борго воздвигнутъ грандіозный мавзолей. Газеты помѣщали на своихъ страницахъ изображенія этого мавзолея-памятника убійцъ. «Еще недавно — писало «Объединеніе» (см. «Окраины Россіи», 1911 г., № 3) красовалась въ музећ того же города окровавленная рубашка этого Шаумана, застрълившагося на той-же площадкъ Финляндскаго Сената, гдъ онъ убилъ Н.И. Бобрикова. Въ разныхъ городахъ мѣстечкахъ И Финляндіи находятся памятники, поставленные на поляхъ прежнихъ битвъ, гдъ русскія войска потерпъли небольшія пораженія, которыя, впрочемъ, извъстно, вовсе не имъли вліянія на побъдоносное окончаніе русскихъ войнъ со шведами. Еще очень недавно въ Выборгъ... сооруженъ памятникъ нъкоему Кнутсону, который въ отдаленное время воевалъ съ

Новгородцами.

«Невольно возбуждается вопросъ: доколъ русскіе люди будутъ терпѣть и допускать открытое и дерзкое поруганіе чести и достоинства доблестныхъ отчества И его на службъ русскимъ положившихъ жизнь СВОЮ неблагодарной интересамъ И ВЪ Финляндіи?... Мы не должны также болъе допускать такое преступное поруганіе славнаго имени Н.И. Бобрикова, какое совершается открыто и нагло со дня доблестной его смерти до сего времени и проявляется также и въ печати все сильнѣе и сильнѣе...

«Если еще, быть можетъ, и не наступилъ моментъ къ открытію всероссійской подписки на сооруженіе въ Гельсингфорсъ памятника Бобрикову, то уже давно наступило для русскаго общества, живущаго въ Финляндіи и столь много обязаннаго своему павшему отъ руки убійцы Генералъвзять Губернатору, на себя починъ установленія на мъстъ, гдъ былъ убитъ Николай Ивановичъ, хотя бы доски съ крестомъ въ молитвенную память объ этомъ самоотверженномъ, стойкомъ и върномъ Царю и Родинъ русскомъ человъкъ».

Медаль. Удаленіе реликвій.

Памятника Н.И. Бобрикову до сихъ поръ не сооружено, но прошло не мало лѣтъ и до того времени, пока были приняты нѣкоторыя мѣры противъ торжественнаго храненія «реликвій» въ честь преступника. Только въ 1913 году, 9 апрѣля, т.е. за годъ съ небольшимъ до десятой годовщины кончины знаменитаго русскаго дѣятеля, въ «Новомъ Времени»

(1913 г., № 13318) появилась телеграмма изъ Выборга, сообщавшая, что «по требованію властей изъ здѣшняго музея удалена медаль, выбитая въ память Евгенія Генералъ-Губернатора Шаумана, убійцы Бобрикова. Въ субботу явилась полиція въ музей и Другія реликвіи убійцы, медаль. сорочка, были выставлены напримѣръ, его поклоненія въ музет въ городт Борго, но, по требованію властей, также удалены. При Н. Герардъ тъло убійцы было торжественно перевезено кладбища СЪ преступниковъ изъ Мальма, близъ Гельсингфорса, въ Борго и погребено тамъ, и на могилъ сооруженъ великолѣпный мавзолей».

Популяризація «національнаго героя». Драма «Іоганъ Ульфштерна».

Въ поискахъ способовъ какъ можно болѣе широкой популяризаціи въ народныхъ массахъ политическаго убійства и культа «національнаго героя» Шаумана шведско-финляндскіе дѣятели прибѣгли даже къ театру и кинематографу. Въ кинематографахъ изображалась сцена убійства прокурора Сената Іонсона, а въ театрахъ разыгрывалась драма «Іоганъ Ульфшерна», изображавшая убійство генерала Бобрикова.

«Въ лойяльной и культурной сѣверной нашей окраинѣ, сообщало «Новое Время» (1907 г., № 11325), открыты школы бомбистовъ, и не только укрываютъ и покрываютъ россійскихъ рыцарей браунинга, но теперь дѣятельно ведутъ пропаганду, ставящую себѣ цѣлью развратить политически и финское населеніе...

«Мъстныя газеты извъщаютъ, что въ разныхъ

мъстахъ Финляндіи дается драма «Іоганъ Ульфшерна». Это произведеніе талантливаго шведскаго писателя Тора Хедберга имъетъ своимъ сюжетомъ убійство Н.И. Бобрикова. Пьеса, къ сожалънію, написана талантливо. Говорю «къ сожалънію», потому что тъмъ болъе вреда можетъ оказать она на неустановившіеся характеры. Поставлена была драма въ первый разъ въ Стокгольмъ въ прошломъ сезонъ, и многіе изъ финляндцевъ пріъзжали сюда ее смотръть. Но этого оказалось недостаточно, а потому драма переъхала въ Финляндію. Возмутительное содержаніе драмы приводить не ръшаемся».

затѣмъ упреки «ДО жестокости отношенію главы легкомысленному гражданскаго управленія краемъ къ поруганію памяти предшественника», «Новое Время» приводило нижеслѣдующую выписку изъ «Åbo Underrättelser» (1907 г., № 250): «Іоганъ Ульфшерна», интересная и захватывающая драма Тора Хедберга, идетъ сегодня въ послъдній разъ. Мы особенно хотимъ посовътовать молодежи побывать на этомъ представленіи. Въ драмъ «Іоганъ Ульфшерна» кроются глубокія мысли и идеи, и вполнъ естественно было бы каждому познакомиться съ этою пьесою, фабулой которой послужилъ подвигъ Евгенія Шаумана»...

Картины преступленія въ кинематографахъ.

Далѣе газета сообщала, что въ газетѣ «Каіки» (1907 г., № 109) права подписью «многіе финляндскіе граждане» въ письмѣ въ редакцію выражалось негодованіе по поводу изображенія въ

кинематографахъ сцены убійства прокурора Іонсона, изображенія, «крайне возбуждающаго сельское населеніе». Къ этому негодованію присоединилась и старофинская газета «Uusi Suometar». «Новое Время» замѣчало: «Если мы вспомнимъ, что въ послѣднюю годовщину смерти Шаумана на могилъ его была произнесена рѣчь къ собранной на «торжество» молодежи, которой на «подвигъ» Шаумана указывалось какъ на образецъ, достойный подражанія для всякаго патріота, и что бюстъ Е. Шаумана стоитъ въ книжномъ магазинъ Гельсингфорса главномъ сейчасъ, то получается довольно полная картина систематическаго развращенія финляндской молодежи одичавшими освободителями», причемъ «сами демагоги, какъ было и раньше, выходятъ сухими изъ воды, да нерѣдко еще и съ теплымъ мѣстечкомъ въ придачу».

Запрещеніе драмы.

По поводу этой статьи «Новаго Времени» въ «Финляндской Газетъ» (1907 г., № 138) появилась слъдующая замътка:

«Редакція «Финляндской Газеты» уполномочена разъяснить, что Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, освъдомившись на основаніи сообщеній мъстной печати (напр., «Åbo Underrättelser» № 250, отъ 15 сентября н. ст.), что на сценъ мъстнаго театра поставлена пьеса, являющаяся восхваленіемъ убійства Генералъ-Адъютанта Бобрикова Евгеніемъ Шауманомъ, указалъ абоскому губернатору неумъстность такихъ драматическихъ представленій, которыхъ явно выражалось восхваленіе ВЪ

преступленія, подобно вышеупомянутому. Мѣстныя газеты («Åbo Underrättelser», № 268) свидѣтельствуютъ, что это распоряженіе Главнаго Начальника края уже приведено въ исполненіе: драма «Іоганъ Ульфшерна» снята со сцены и замѣнена другою пьесой — комедіей Теуво Пакка́ла, свободной отъ политическихъ элементовъ.

«Въ связи съ этимъ должно упомянуть, что когда улеоборгская газета «Каіки», (№ 109) сообщила, что на ярмарочной площади одинъ кинематографъ включилъ въ свою программу картину убійства Генералъ-Адъютанта Бобрикова и прокурора Сената Сойсаленъ-Сойнинена, Дъйствительный Тайный Совътникъ Н.Н. Герардъ предложилъ Улеоборгскому губернатору безотлагательно разслъдовать сообщеніе и принять надлежащія мъры.

«Генералъ-маіоръ Г.И. Гадолинъ донесъ Его Высокопревосходительству отъ 15 октября, что передъ ярмаркой въ Улеоборгъ 20 и 21 сентября н. ст. одинъ содержатель балагана объявилъ въ мъстныхъ газетахъ, будетъ показывать картины, изображающія убійство генерала Бобрикова и прокурора Сойсалонъ-Сойнинена. Исполняющій должность полиціймейстера, осмотрѣвшій картины ПО распоряженію губернатора, убъдился, что это кинематографъ, а грубо нарисованныя изображенія двухъ убійствъ. Содержатель балагана, выслушавъ внушеніе и. д. полиціймейстера о непристойности показыванія подобныхъ картинъ, объщалъ ихъ не показывать, что и было исполнено».

Представленіе драмы вопреки запрещенію.

Въ отвътъ на эти сообщенія «Финляндской Газеты» въ «Новомъ Времени» (1907 г., № 11338) появилось «открытое письмо» къ финляндскому Генералъ-Губернатору Н.Н. Герарду, за подписью Анат. Ант. Рейнбота, въ которомъ сообщалось, между прочимъ, что драма «Іоганъ Ульфшерна» была снята со сцены и что тъмъ не менъе пьеса эта, шедшая кромъ Або, между прочимъ, и въ Куопіо и въ Выборгѣ, шла въ Коткѣ 10 октября, т.е. черезъ два дня распубликованія распоряженія Генералъ-Губернатора представленій воспрещеніи пьесы. Получивъ распоряженіе о воспрещеніи, Выборгскій губернаторъ «передалъ его по телефону директору труппы Ларсену, послѣдній подчиниться отказался требованію». Далѣе оказывается, что въ Улеаборгѣ «на ярмарочной площади одинъ кинематографъ включилъ въ свою программу картины убійства Генералъ-Адъютанта Бобрикова и прокурора Сената Сойсалонъ-Сойнинена (Іонсона)», что производилась свободная продажа открытыхъ почтовыхъ писемъ («Carte Postale Finland», «Postikortti Suomi»), на которыхъ отпечатаны портреты шести политическихъ убійцъ: Хогенталя, Шаумана, Рейникки, Сазонова, Каляева и Прокоппе», т.е. «убійцъ прокурора Іонсона, Генералъ-Губернатора Н.И. Бобрикова, бывшаго выборгскаго губернатора Н.А. Мясоъдова (ран. 2 пулями), Великаго Князя Сергъя Александровича, Министра Плеве и жандармскаго полковника Крамаренко». Вслъдъ затъмъ Время» (1907 г., № 11345) сообщало еще слъдующее:

Протесть офицеровъ.

«Въ газетъ «Uusi Aura» (№№ 231 и 233) сообщается, что офицеры мъстнаго гарнизона въ Або обращались къ Генералъ-Губернатору и къ губернатору съ просьбою о воспрещеніи ставить драму «Іоганъ Ульфшерна», какъ оскорбляющую національное чувство русскихъ офицеровъ, такъ какъ въ ней восхваляется убійство генерала Бобрикова. Газета «Politiken», оставшись недовольна этимъ требованіемъ, помъстила слъдующую замътку: «Еще нъсколько лътъ тому назадъ такое событіе вызвало-бы негодованіе во всѣхъ слояхъ населенія. Господствующая партія должна понимать, что здѣсь произошло серьезное нарушеніе нашихъ основныхъ правъ»... «По сообщенію газеты «Uusi Suometar» (№ 240, отъ 17 октября н. ст.), начальникъ мъстнаго гарнизона въ С.-Михелъ потребовалъ отъ полиціймейстера не допускать здѣсь постановки драмы по тъмъ-же причинамъ, какъ и въ Або. Директору шведской труппы Ларсену предъявленъ ръшительный протестъ со стороны офицеровъ, а потому онъ призналъ болъе благоразумнымъ отъ постановки драмы въ С.-Михелъ отказаться».

Такимъ образомъ, если противъ показыванія картинъ, изображающихъ политическія убійства, въ кинематографахъ нашлись протестующіе голоса среди самихъ финновъ, то повсемъстному представленію и успъху драмы Хедберга, восхваляющей убійство Шауманомъ генерала Бобрикова, былъ поставленъ нъкоторый предълъ главнымъ образомъ благодаря ръшительнымъ протестамъ русскихъ офицеровъ.

Упорство въ представленіи драмы.

Впрочемъ, попытки представленія «Іогана Ульфшерна» не прекращались, несмотря ни на какія запрещенія. Напр., по сообщенію «Финляндской Газеты» (1906 г., № 145), «труппа Ларсена, по словамъ «Östra Finland», играла драму Хедберга «Іоганъ Ульфшерна» въ понедѣльникъ въ кинематографѣ и не встрѣтила никакихъ препятствій со стороны властей. Была попытка поставить эту же пьесу въ Ювяскюлѣ, но не допущена полиціей».

Какого рода выходки позволяла себъ при этомъ финляндская печать, видно сообщенія изъ «Финляндской Газеты» (1907 г., № 165), что «Генералъпривлеченія потребовалъ Губернаторъ «Hufvudstadsbladet» къ законной отвътственности за помъщенную въ ней замътку, относящуюся исполненію въ Вильманстранд в на сцен в пьесы «Іоганъ Ульфшерна»; въ замъткъ сообщалось о присутствіи на спектаклъ офицеровъ расположенныхъ тамъ войскъ, аплодировавшихъ исполненію пьесы». Это — при заявленномъ офицерами протестъ противъ драмы!

Представленія пьесы запрещались, а пьеса исполнялась. «Финляндская Газета» (1908 г., № 11) напечатала циркуляръ Генералъ-Губернатора «всѣмъ губернаторамъ», которомъ указывалось ВЪ продолжающіяся представленія «Іогана Ульфшерны», существованіи Высочайшаго напоминалось постановленія 13 марта 1903 г., согласно которому «театральныя представленія могутъ быть допускаемы разрѣшенія полиціи», и предлагалось осуществлять направленіи «должный ЭТОМЪ ВЪ надзоръ».

Культъ политическихъ убійствъ. Рѣчь капитана Фрезера на сеймѣ.

Культъ убійцы Шаумана «лойяльныхъ» финляндцевъ не ограничивался одною личностью преступника. Онъ незамѣтно сливался съ политическаго убійства вообще, чествованіе памяти Шаумана становилось способомъ пропаганды. Въ такой пропагандъ принимали участіе не только мъстныя финляндскія власти, но даже Сеймъ. По сообщенію, напр., «Окраинъ Россіи» (1906 г., № 15), «во время засъданія финляндскаго сейма отставной гвардіи капитанъ Фразеръ сказалъ: Повидимому, была мысль, — и если это такъ, то мысль благородная, — чтобы собранные на сеймъ чины Финляндіи ръшили назначить свое засъданіе въ тотъ самый день и часъ, которые дали намъ нашу свободу. Въ два года тому назадъ, часъ, совершилось освободительное дъяніе величайшее извъстно въ нашей, а быть можетъ и во всемірной исторіи; безкорыстный подвигъ, который разрушилъ ненависть и угнетеніе, далъ солнцу свободы взойти надъ цълымъ народомъ» и т.д. «Я не имълъ въ виду предложить какой-либо проектъ, совѣсть подсказываетъ мнъ и мой долгъ заставляетъ меня сдълать это напоминаніе рыцарству и дворянству Финляндіи въ эту минуту и въ этомъ помѣщеніи». Рѣчь эта сопровождалась одобрительными восклицаніями рыцарства и дворянства лойяльной Финляндіи.

Любопытно, что этотъ террористическій ораторъ, возводившій политическое убійство въ

-

¹ *Примъчаніе составителя*. Т.е. убійство Шауманомь генерала Бобрикова.

подвигъ, и въ то же время гвардіи капитанъ, хлопоталъ, какъ сообщали «Окраины Россіи», о награжденіи его чиномъ полковника, въ чемъ ему, однако, было отказано. Не въ «патріотическихъ» ли рѣчахъ, подобныхъ вышеприведенной, усматривалъ капитанъ Фразеръ свои заслуги, требовавшія вознагражденія?

Такъ, «въ назиданіе современникамъ и потомству» внъдряли «лойяльные финляндцы» культъ злодъянія и почитаніе убійцы въ умы финскаго народа.

Время преобразованій.

Годы, однако, шли. Прошло цълое десятилътіе, и многое успѣло измѣниться. Идеи, надъ которыми работалъ и за которыя положилъ свою жизнь генералъ Бобриковъ, принесли добрые плоды. Трудъ его жизни не погибъ, но окръпъ и разросся. Связь финляндской окраины съ Имперіей получила прочныя основанія. Правильный общегосударственнаго порядокъ законодательства для Финляндіи воплотился положительный законъ 17 іюня 1910 года. Безправное положеніе русскихъ краѣ замѣнилось ВЪ сопротивленіе стало равноправіемъ. Финляндское разбиваться о непоколебимую твердость русской власти, нашедшую горячую поддержку со стороны широкихъ слоевъ русскаго общества и облеченнаго законодательными полномочіями русскаго народнаго представительства.

Десятая годовщина.

Наступилъ день десятой печальной годовщины злодъянія, пресъкшаго жизнь усерднаго работника

русскаго дѣла на финляндской окраинѣ, но лишь увеличившаго жизненность этого дѣла, знамя котораго было подхвачено другими, не менѣе твердыми руками.

Русскіе дѣятели въ краѣ въ эту печальную годовщину не могли не почтить молитвою память павшаго на своемъ посту доблестнаго начальника края. Въ Гельсингфорсскомъ Успенскомъ Соборѣ 4 іюня 1914 года въ 10½ часовъ утра была совершена заупокойная литургія, а послѣ отслужена панихида. нея Хозяйственный Департаментъ Императорскаго Финляндскаго Сената воздалъ такую же дань почтенія своему бывшему предсъдателю, пролившему свою помъщеніи и кровь ВЪ самомъ его запечатлъвшему ею его работу. Въ залъ засъданій Хозяйственнаго Департамента въ 2 часа дня была отслужена панихида, послъ чего былъ открытъ мраморный бюстъ покойнаго.

«Финляндская Газета» о днъ десятилътія.

«Скорбная для каждаго русскаго человѣка годовщина! писала въ этотъ день «Финляндская Газета» (1914 г. № 120). Какъ ярко свѣтелъ и живъ мощный образъ этого государственнаго дѣятеля въ сердцахъ тѣхъ лицъ, которымъ выпала судьба близко знать покойнаго, а тѣмъ болѣе служить подъ его началомъ общему дѣлу насажденія русской государственности на финляндской окраинѣ! Какъ близка и дорога имъ память этого крупнаго человѣка, одареннаго лучшими качествами русской души!... Какъ больно памятенъ имъ зловѣщій день 4-го іюня 1904 года, когда мученическая смерть лишила Россію одного изъ лучшихъ ея сыновъ!....» «Онъ явился, продолжала газета, —

первымъ крупнымъ бойцомъ за право Россіи на державное обладаніе Финляндіей», причемъ предуказалъ «всѣ основныя требованія, которыхъ должна придерживаться по отношенію къ Финляндіи настоящая русская государственная политика, и самъ положилъ ея основы — основы столь крѣпкія, столь живучія, что ни преждевременная кончина ихъ созидателя, ни революціонный вихрь, пронесшійся вскорѣ вслѣдъ засимъ надъ обезсиленной войною Россіей, не смогли смести результатовъ труда этого удивительнаго человѣка»...

Установленіе общегосударственнаго законодательства, упраздненіе финскихъ войскъ и привлеченіе Финляндіи къ несенію обшей воинской введеніе русскаго повинности, дълопроизводство административныхъ установленій края и въ преподаваніе въ школахъ, улучшеніе быта русскихъ, постройка русскихъ школъ, православныхъ храмовъ, учрежденіе русской газеты, соединеніе финляндской желѣзнодорожной сѣти съ Имперской, административныя привлеченіе русскихъ на должности въ краѣ, распространеніе дѣятельности Государственнаго Банка на Финляндію, надъленіе безземельныхъ землей и привлеченіе симпатій массы сельскаго населенія къ русской власти длинный, но далеко не полный перечень мъропріятій, которыя были проведены въ жизнь за пятилътній срокъ управленія Финляндіей Николая Ивановича Бобрикова. А монетная реформа, преобразованіе устаръвшаго финляндскаго суда, отдъленіе Выборгской губерніи, преобразованіе лоцманскаго въдомства, таможенное объединеніе и много другихъ вопросовъ, которые имъ

были поставлены на очередь и разрѣшеніе коихъ было прервано преждевременною смертію ихъ вдохновителя и главнаго поборника!»

Свътлая личность генерала Бобрикова.

Газета указываетъ, что въ личномъ характерѣ Н.И. Бобрикова не было «ни малѣйшей жестокости, ни суровости», но къ нѣкоторымъ мѣрамъ строгости порою вынуждали его обстоятельства.

«При данныхъ условіяхъ, согласитесь, писалъ Николай Ивановичъ Бобриковъ въ 1902 году въ одномъ умиротворенія письмѣ, можно достигнуть ЛИ уступками? «За усиленную охрану, писалъ Николай Ивановичъ въ другомъ письмѣ, можетъ быть придется мнъ сложить здъсь голову, но я готовъ жизнью въ твердомъ убъжденіи жертвовать неизбъжности строгихъ мъръ». Его предчуствіе пророчествомъ. Распаленная оказалось мъстныхъ политическихъ круговъ, которые въ Николаъ Ивановичъ видъли главнаго виновника крушенія ихъ дерзостныхъ замысловъ полной финляндской O обособленности, вдохновила фанатика-изувъра и направила изъ-за угла въ Николая Ивановича руку убійцы».

Газета вспоминаетъ слова, сказанныя покойнымъ митрополитомъ Антоніемъ:

«Итакъ, не стало Николая Ивановича, на дъятельность котораго въ Финляндіи съ восхищеніемъ и свътлыми надеждами взирали всъ истинно русскіе люди. Въчная ему память! Онъ умеръ на своемъ посту, какъ истинный христіанинъ, какъ герой и какъ великій гражданинъ».

М.М. Бородкинъ о десятилътіи со дня смерти Бобрикова.

Извѣстный знатокъ Финляндіи, историкъ ея М.М. Бородкинъ, почтилъ десятилѣтнюю годовщину страдальческой смерти Н.И. Бобрикова статьею «Павшій на посту» въ «Новомъ Времени» (1914 г., № 13730).

«Сегодня истекаетъ десять лѣтъ со дня смерти Николая Ивановича Бобрикова, писалъ М.М. Бородкинъ. Вѣрный своему знамени, онъ палъ на посту Генералъ-Губернатора Финляндіи за единую и нераздѣльную Россію.

«Онъ глубоко всесторонне изучилъ И финляндскій вопросъ, прежде чъмъ переступилъ границу ввъреннаго его управленію края. Принявъ во вниманіе указанія исторіи и требованія законовъ, онъ выработалъ свою программу и рѣшилъ постепенно осуществить ее. Онъ понималъ, что при общей нашей легко будетъ безпрограммности не исполнить задуманный планъ. «Въроятно и мнъ предстоитъ не мало непріятныхъ сюрпризовъ, но я готовъ и на жертву самой жизнью», — писалъ онъ.

«На очереди стоялъ вопросъ огромнаго государственнаго значенія о пересмотрѣ устава воинской повинности. Сеймъ поднялся во весь ростъ, протестуя и противодѣйствуя, желая имѣть финскую армію для финскаго государства, у котораго, какъ говорили тогда ораторы, не было ничего общаго съ великой Русской Имперіей.

«Часть сановнаго и административнаго Петербурга стала на сторону «угнетенныхъ» финляндцевъ. Н.И. Бобриковъ не смутился; онъ

понялъ, что армія, воспитанная на «разсказахъ прапорщика Столя» и «бьернеборгскихъ маршахъ», а не на нашемъ гимнъ, не только излишня, но прямо вредна. Борьба кончилась тъмъ, что финскія войска были упразднены»...

«Время зачеркнуло законъ 3-го февраля 1899 г. объ изданіи общегосударственныхъ постановленій, но вмѣсто него мы получили болѣе широтой и лучше обоснованный законъ 17-го іюня 1910 г., прошедшій черезъ наши законодательныя палаты»...

Отмътивъ нъкоторыя другія заслуги Н.И. Бобрикова, М.М. Бородкинъ продолжалъ:

«Одна его великая заслуга мало извъстна. Н.И. Бобрикову мы обязаны соединеніемъ русской финляндской желѣзнодорожныхъ вѣтвей возникновеніемъ новаго грандіознаго моста черезъ Неву. Въ день открытія прямого сообщенія начальникъ Николаевской инженеръ Ивановскій, дороги, телеграфировалъ вдовѣ Бобрикова Елисаветъ Ивановнъ: «Покойнымъ супругомъ вашимъ Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи поднятъ вопросъ о крайней необходимости рельсоваго сообщенія финляндскихъ дорогъ съ Имперскими. Сегодня, 5 ноября 1913 г., сообщеніе ЭТО открыто. Поздравляю васъ осуществленіемъ мысли приснопамятнаго Николая Ивановича».

«Н.И. Бобриковъ зналъ, что предпринималъ и что дѣлалъ! писалъ далѣе М.М. Бородкинъ. Понимали его и финляндцы, тѣ мѣстные политиканы, которые стремились повести свой край независимо отъ Россіи. Въ Финляндіи Н.И. Бобриковъ началъ одно великое экономическое дѣло, которое должно быть

осуществлено русскими руками, и тогда финскій народъ воочію увидитъ, кто ему другъ и кто врагъ. Мы говоримъ о надъленіи безземельныхъ землею. Это наслъдіе Бобрикова не должно быть забыто. За него онъ заплатилъ жизнью.

«Шведоманы поняли, что у этого человѣка былъ большой государственный умъ и большое отзывчивое сердце. Финскій народъ заслышалъ біеніе этого сердца и началъ ощущать его теплоту. Гнусный выстрѣлъ шведоманскаго ставленника Евг. Шаумана прекратилъ жизнь этого рѣдкаго сердца. Шаумана превозносили, его сдѣлали финляндскимъ Вильгельмомъ Телемъ».

Н.И. Бобриковъ понималъ историческое значеніе своей дѣятельности и, какъ указываетъ М.М. Бородкинъ, «былъ убѣжденъ, что «исторія скажетъ свое правдивое слово», и она оправдаетъ его. «Не боюсь суда исторіи и за всякую предложенную мною мѣру готовъ отвѣчать головою». Онъ утверждалъ, что будущее Финляндіи зависитъ отъ благоразумія сейма, что «исторія покроетъ позоромъ современную интригу финляндскихъ сепаратистовъ, переходящую предѣлы всякой логики».

Указывая затъмъ примъры нашей долгой крайней безпечности въ отношеніи Финляндіи, М.М. Бородкинъ добавляетъ:

«Если бы подобное отношеніе продолжалось, мы неизб'вжно растеряли бы это достояніе, унасл'вдованное отъ нашихъ предковъ, достояніе, стоившее имъ много трудовъ, лишеній и крови. Н.И. Бобрикову мы много обязаны т'вмъ, что подобныя отношенія кореннымъ образомъ изм'внились.

«Мы долго собираемся и раскачиваемся, а потому не своевременно ли уже подумать, какъ сохранить въ предълахъ Финляндіи память объ этомъ ръдкомъ и достойномъ сынъ Россіи, именно въ предълахъ Финляндіи, такъ какъ убъждены, что финскій народъ этого убійства не совершилъ и никогда ему не сочувствовалъ. Николай Ивановичъ честно послужилъ великой идеъ единой и нераздъльной Россіи, и заслуга эта должна быть достойно почтена. Онъ своей кровью запечатлълъ преданность этой идеъ, и потомство обязано оцънить его дорогую жертву».

«Голосъ Руси» о Н.И. Бобриковъ. Отзывы финляндцевъ. Заслуги покойнаго по торпарскому вопросу.

Въ «Голосъ Руси» (1914 г., 2 іюня) памяти Н.И. Бобрикова была посвящена статья подъ заглавіемъ «Жертвы долга», въ которой приводилась выписка изъ одного письма Николая Ивановича:

«Предвижу осложненія въ личныхъ отношеніяхъ къ себѣ мѣстныхъ людей и не удивляюсь появленію и направленію противъ меня демонстрацій; но, дѣйствуя по закону и по совѣсти неизмѣнно до конца, ни на іоту не измѣню разъ установленному направленію, твердо, но осторожно отстаивая дорогое намъ (русскимъ) правое дѣло... Я сталъ получать подметныя письма съ угрозами, но пока хладнокровно ихъ сжигалъ. Храню самообладаніе и за зло стараюсь платить добромъ»... Такъ писалъ Николай Ивановичъ Бобриковъ въ мартѣ 1899 г.

«.... Окружавшія его лица говорили, что финляндцы настолько лойяльны, что лично его, какъ

высшаго представителя русской власти, не тронутъ, понимая, какую отвътственность они навлекутъ на всю страну; Бобриковъ былъ спокоенъ, ибо зналъ, что стоитъ за правое дъло и дъйствуетъ по закону и совъсти. Онъ былъ истинный патріотъ и считалъ для себя счастіемъ, «стоя на часахъ», содъйствовать охраненію русскихъ интересовъ».

«.... Онъ до корня изучилъ финляндское дѣло, и его нельзя было «поставить на запятки Сената», нельзя было взять на буксиръ статсъ-секретаріата. Такими самостоятельными русскими начальствами Финляндія не была избалована. Нельзя было ни задобрить, ни купить его. Прежде, подобныя средства нѣсколько практиковались, нашимъ представителямъ финляндцы очень льстили, выпрашивали имъ графскіе титулы, а одному подарили маіоратъ... Н.И. Бобрикова ничѣмъ взять нельзя было... Онъ былъ проникнутъ сознаніемъ отвѣтственности передъ родиной. Онъ былъ, наконецъ, религіознымъ человѣкомъ.

«.... Рьяный ненавистникъ Н.И. Бобрикова, финляндскій дворянинъ Х., сказалъ: «Бобриковъ былъ очень умный человѣкъ; онъ — фанатикъ-патріотъ, который считалъ то, что онъ дѣлалъ, полезнымъ Россіи. Такихъ патріотовъ у русскихъ мало». «Всѣ соглашаются въ томъ, что нашъ Генералъ-Губернаторъ — мужъ энергичной дѣятельности, равнаго которому въ нашемъ краѣ рѣдко видѣли. Уже мысль объ учрежденіи земельнаго банка и рѣшеніи торпарскаго вопроса способна создать ему въ нашей средѣ прочный памятникъ», сказалъ другой финляндецъ.

«Принявъ это во вниманіе, становится ясно, почему шведоманъ убилъ нашего представителя. Этотъ

коснулся самаго больного представитель соціальнаго строя края. Позоромъ «культурной» и Финляндіи является «передовой» безземельное населеніе... Н.И. Бобриковъ не могъ примириться съ рабскимъ состояніемъ большинства подобнымъ населенія и принялся за улучшеніе его быта. Шведы встрепенулись. Какъ! Наши безземельные будутъ благод в тельствованы русскою властью! Они пойдуть за русскимъ представителемъ! Они будутъ признательны Россіи! Нътъ! Этого допустить невозможно! Съ Бобриковымъ надо покончить!!... И несчастнаго Ивановича убили. Такимъ образомъ Николая раздълались лойяльные финляндцы съ виднъйшимъ нашимъ представителемъ на этой окраинъ.

«Финляндія была завоевана давно; но исторія ея объединенія съ Россіей началась лишь съ Н.И. Бобрикова.

Эпидемія преступленій.

«... Бобрикова убили! Кровь въ Финляндіи полилась обильною струей. Убили прокурора Сената Іонсона, убили полковника Крамаренко, ранили помощника Бобрикова — В.Ө. Дейтриха, ранили выборгскаго губернатора — Н.А. Мясоъдова, убили еще нѣкоторыхъ, ранили многихъ. И все въ прославленной «лойяльностью» Финляндіи.... рубежъ двадцатаго столътія она запятнала себя звърскими преступленіями».

«Свътъ» о Н.И. Бобриковъ. Жизненность его дъла.

Въ газетъ «Свътъ» (1914 г., 4 іюня) была

помѣщена по поводу десятой печальной годовщины передовая статья, въ которой, между прочимъ, говорилось:

«... Какъ ни горестенъ день, напоминающій намъ, что десять лѣтъ тому назадъ подлою пулей шведомана террориста Евгенія Шаумана былъ вырванъ изъ среды живыхъ, въ полномъ развитіи силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, такой слуга Царя и Россіи, какимъ былъ Н.И. Бобриковъ, безотраднымъ этого дня мы не назовемъ.

«Такимъ онъ былъ бы въ томъ лишь случаѣ, если бы шведоманскому кагалу злодѣйство Шаумана помогло выполнить его адскій замыселъ: свести на нѣтъ всѣ посѣвы бобриковскаго періода въ Финляндіи, и на мѣсто русской провинціи, осыпанной Царскими милостями, поставить финляндское «государство» по фантазіямъ Лео Мехелина.

«... Русское дѣло, начатое Бобриковымъ въ Финляндіи, все-таки живо и живуче. Ибо оно не прихоть и не измышленіе одного дѣятеля, даже одной группы дѣятелей, — какъ могли полагать въ мечтахъ своихъ Мехелины и Шауманы. Оно — результатъ естественнаго развитія историческихъ судебъ великой Россіи.

«.... Финляндецъ Свинхувудъ, стараясь въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей 1905 года возвести преступленіе Евгенія Шаумана въ патріотическій «подвигъ», іезуитски доказывалъ, что Бобрикова, «надо было убить», ибо останься онъ на мѣстѣ еще одинъ годъ — и всей политикѣ кагала былъ бы конецъ: самъ финскій народъ привыкъ бы подчиняться русскому закону.

«Ну вотъ — Бобриковъ убитъ десять лѣтъ тому назадъ, а передъ кагаломъ все тотъ же страхъ русскаго закона! Видно, твердо посажено Бобриковымъ русское зерно въ финляндской почвѣ, глубокіе ростки оно пустило, и не кагальнымъ преступленіямъ остановить его живой ростъ!

«... Кагалъ пугался первыхъ заботъ Бобрикова о жалкомъ положеніи финляндскихъ безземельцевъ, этихъ кабальныхъ холоповъ 20 вѣка. А теперь вѣдь еще сильнѣе пугаетъ кагалистовъ то обстоятельство, что въ «программу Корево» принята бобриковская мысль объ устройствѣ быта безземельцевъ русскимъ закономъ, при помощи русскаго крестьянскаго банка!

«.... Свътлая память Николая Ивановича Бобрикова дорога намъ и будетъ дорога русскому народу. Къ этому доблестному сыну Россіи могутъ безъ натяжки быть примънены слова поэта: «Природа-мать! Когда-бъ такихъ сыновъ ты иногда не посылала міру, заглохла-бъ нива жизни!»

Русское Знамя о Н.И. Бобриковъ. Бобриковъ — истинный другъ финскаго народа.

«Русское Знамя» (1914 г., 6 іюня) говорило:

«.... Тяжелы были условія жизни финской земли, когда ея Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ Николай Ивановичъ Бобриковъ, образованный человѣкъ своего времени, великій патріотъ, имѣвшій чистое русское сердце и совѣсть.

«... Первымъ его дъломъ было уничтоженіе финскихъ войскъ.

«Онъ уже поднялъ вопросъ о надъленіи

бъдныхъ финновъ-торпарей землею.

«Тогда финскій народъ понялъ, кто его другъ и кто его врагъ.

«Поняли это и враги Россіи и ихъ друзья въ Петербургъ.

«О нихъ онъ писалъ, что финны дерзки только потому, что имъютъ покровителей въ С.-Петербургъ, — и онъ былъ правъ, но объ этомъ мы узнали очень недавно.

«.... Мученическая смерть Н.И. Бобрикова открыла глаза русскому обществу, оно насторожилось и поняло, что пора проснуться и показать шведоманамъ ихъ настоящее мъсто...»

Воспоминанія «Свѣта» объ обстоятельствахъ злодѣянія. Заглохшее разслѣдованіе.

Вспоминая о подробностяхъ злодъянія, «Свътъ» въ передовой статьъ (1914 г., 6 іюня) говорилъ:

«.... Кагалъ то *зналъ*, что должно было случиться.

«На Эспланадъ, близъ Сената, все шныряли какіе то люди — больше шведскія дамы. И все заглядывали въ улицы, ведущія съ Эспланады на Сенатскую площадь. Чего то ждали.

«Точно провалились, когда отъ Сенатской площади показалось шествіе съ Бобриковымъ на лазаретныхъ носилкахъ... Совершилось, значитъ!..

«Но растерянность продолжалась и въ кагальныхъ кругахъ и внъ ихъ.

«Ждали суровъйшей расправы за неслыханное злодъяніе. И всть сознавали, что расправа заслужена, —

даже если бы выразилась въ формѣ полной отмѣны Сената и всѣхъ другихъ финляндскихъ «автономныхъ учрежденій».

«Подъ вліяніемъ такого сознанія кагалисты стушевались, затихли. А честные финляндцы всячески старались выказать свое почтеніе къ памяти убитаго.

«... Весь путь траурнаго повзда отъ Гельсингфорса черезъ Выборгъ до Петербурга былъ тріумфальнымъ шествіемъ убитаго Генералъ-Губернатора при живомъ и сердечномъ участіи финскихъ народныхъ массъ...

«Но Россія, какъ это слишкомъ часто бываетъ, долготерпълива и многомилостива. Никакой расправы финляндцы не дождались. И кагалъ поднялъ голову. Шаумана объявили «героемъ»...

«... Обвинительный актъ по дѣлу о революціонной агитаціи въ Финляндіи, называвшій въ числѣ подсудимыхъ Лео Мехелина, графа Маннергейма, барона Борна и пр., былъ положенъ гельсингфорсскимъ ратгаузскимъ судомъ подъ сукно. И до сихъ поръ тамъ остается!»...

Учрежденіе стипендій.

Чествованіе памяти Н.И. Бобрикова въ день десятилътія его трагической кончины выразилось не панихидахъ, телеграммахъ ВЪ рѣчахъ, статьяхъ, но и въ нѣкоторой матеріальной формѣ: въ учрежденіи стипендій его имени. Какъ сообщала газета «Dagens Press» (1914 Nº 94), «послѣдовало Г., соизволеніе всеподданнѣйшее Высочайшее на ходатайство Императорскаго Финляндскаго Сената о разрѣшеніи поставить зданіи Сената ВЪ

Генералъ-Губернатора покойнаго Бобрикова учредить при кадетскомъ корпусѣ, 1-МЪ Петербургскомъ Училищъ Университетъ И Правовъдънія стипендіи имени генерала Бобрикова, Сенатъ долженъ, соглашенію ПО управленіями названныхъ учрежденій, выработать и представить на Высочайшее утвержденіе положеніе объ этихъ стипендіяхъ».

Во всеподданнъйшемъ ходатайствъ Сената по этому предмету говорилось: «Признавая въ высшей степени желательнымъ увъковъчить память своего бывшаго предсъдателя, безвременно погибшаго при исполненіи служебныхъ обязанностей на своемъ посту, Императорскій Финляндскій Сенатъ полагалъ-бы, прежде всего, соотвътственнымъ поставить въ залъ засъданія Хозяйственнаго Департамента Сената, въ которой Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ многократно предсъдательствовалъ, бронзовый бюстъ покойнаго въ стънной нишъ».

«Кромъ того, Сенатъ, въ цъляхъ сохраненія благодарной памяти почившемъ Генералъ-O Губернаторъ какъ между служащими въ Финляндіи, такъ и среди подрастающаго поколѣнія, находилъ-бы желательнымъ учредить на средства статнаго фонда въ нижепоименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ стипендіи покойнаго, назначались-бы имени которыя состоящихъ исключительно сыновьямъ лицъ, службъ въ краъ. Означенныя стипендіи, по мнънію Сената, должны быть учреждены прежде всего въ томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ окончилъ курсъ, а именно въ 1 Кадетскомъ Корпусѣ, и затъмъ въ тъхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ спеціально читаются лекціи по финляндскому законодательству — на юридическомъ факультетъ Императорского С.-Петербургскаго Университета ² и въ Императорскомъ Училищъ Правовъдънія».

«Dagens Press» напечатала это сообщеніе безъ всякихъ отъ себя добавленій. Въ другихъ случаяхъ финляндская печать оказалась весьма далекою отъ подобнаго спокойствія.

Отзывы финляндской печати. «Åbo Underrättelser» о пятнадцатилѣтіи Февральскаго Манифеста.

Кипъніе злобныхъ чувствъ къ Россіи и къ памяти русскаго государственнаго дѣятеля, подогрѣтое десятой годовщиной его насильственной смерти, проявляться финляндскою начало печатью заблаговременно, именно поводу ПО пятнадцатилѣтней Высочайшаго годовщины Манифеста 1899 года. Такъ напр. газета «Åbo Underrättelser» (1914 г., № 46), въ статьѣ «Мрачный день», писала:

«Исполнилось 15 лѣтъ, со дня обнародованія Февральскаго Манифеста. Этотъ роковой документъ подписанъ 15 февраля: 16 февраля было доложено прокурору и вице-предсъдателю Хозяйственнаго

уполномоченъ.

² Примъчаніе составителя. Съ уходомъ проф. Берендтса въ 1904 г. эти лекціи въ Университетъ прекратились, а каюедра финляндскаго права, на которую были Высочайше ассигнованы спеціальныя суммы, была факультетомъ обращена въ каюедру мъстнаго права вообще, на что закономъ факультетъ не

Департамента Сената о возмутительномъ нарушеніи, направленномъ противъ законовъ страны, 18 послѣдовало обнародованіе его...

«Эти 15 лѣтъ представляютъ своеобразную кривую. Убійственный ударъ Февральскаго Манифеста выгнулъ линію, которая давно уже проявляла признаки быстраго паденія...

«Потомъ послѣдовали выстрѣлы... Появился сеймъ ³, работавшій при своеобразныхъ условіяхъ... Медленно пошло на повышеніе..., когда сразу разразившаяся въ Имперіи гигантская забастовка вызвала поворотъ въ положеніи, о которомъ никто не смѣлъ и мечтать...

«Короткое время, едва годъ, линія держалась на высотѣ, но затѣмъ начали появляться тревожные признаки... Насталъ 1908 годъ со смѣной Генералъ-Губернатора, съ преобразованіемъ въ Сенатѣ, съ указомъ объ общегосударственномъ законодательствѣ, который гораздо вѣрнѣе, чѣмъ Манифестъ 1899 года долженъ привести къ цѣли: упраздненіе установленнаго закономъ порядка управленія».

И газета заключала, что и теперь, «на днѣ пучины», можно найти «какое-нибудь пророчество въ прошломъ», о которомъ газета «не смѣетъ и мечтать».

«Nya Pressen» о девятомъ объдъ бобриковцевъ.

По тому-же поводу «Nya Pressen» (1914 г., № 47) писала въ статьѣ подъ заглавіемъ «Побѣдныя мечты бобриковцевъ».

_

³ *Примъчаніе составителя*. Созывъ его былъ преднамѣченъ еще ген. Бобриковымъ.

«Память «незабвеннаго» опять праздновалась въ русской столицъ торжественнымъ объдомъ и высокопарными рѣчами». Бодрость присутствовавшихъ на объдъ газета вполнъ понимаетъ, ибо трудъ ген. Бобрикова «снова возобновленъ въ большихъ размърахъ и съ гораздо большей надеждой на успъхъ. Въ сравненіи съ «общегосударственнымъ законодательствомъ» 1910 года Февральскій Манифестъ 1899 года былъ лишь только еще поднимающимся всходомъ... Русскій языкъ, о которомъ «незабвенный» заботился, такъ нѣжно снова потерянныя позиціи ВЪ Сенатъ. учрежденіяхъ, школахъ и намѣренъ проникнуть въ университетъ». За нынъшними продолжателями ген. Бобрикова, по мнѣнію газеты, стоитъ поддержка «реакціонных» націоналистов» въ Министерств», въ Думъ, въ Государственномъ Совътъ, въ черной сотнъ и въ русскомъ дворянствѣ». «Съ какимъ чувствомъ гордости», говоритъ газета, присутствовавшіе на объдъ должны были слушать, какъ находившійся среди нихъ Министръ Статсъ-Секретарь, «финляндскій родившійся въ этой странъ и воспитавшійся въ финляндскомъ казенномъ корпусѣ, собственномъ духѣ вспоминалъ о непоколебимой энергіи «незабвеннаго» высказывался необходимости слъдовать его указаніямъ и быть твердыми...

«Но отъ финляндскаго народа... слышны другіе голоса. Его сеймъ не перестаетъ протестовать противъ беззаконій и насилій и отклоняетъ всякую попытку заставить его признать, что русскія законодательныя власти имѣютъ какое-то высшее законодательное

право въ Финляндіи», и т.д.

Въ такомъ духѣ готовилась финляндская печать десятой встрѣчѣ годовщины КЪ администратора, мирно боровшагося за подлинную погибшаго отъ руки законность «протестовавшаго противъ беззаконій и насилій»! Первые раскаты ея раздраженія при воспоминаніи объ администраторъ, борьба съ которымъ оказалась не подъ силу финляндскимъ сепаратистамъ иначе какъ путемъ насилія и преступленія, раздались еще по поводу пятнадцатилътія Февральскаго Манифеста и обѣда бобриковцевъ. Окончательныя-же проявленія этого раздраженія не могли дождаться даже самаго дня 4 іюня и стали прорываться еще за нъсколько дней раньше. Уже 1-го іюня, напр., «Dagens Press» (1914 г., № 81) писала въ статьѣ, подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ».

«Dagens Press» о десятилѣтіи.

«Русско-финляндскій Сенатъ готовится съ большой торжественностью справить день десятилътія со дня смерти генералъ-губернатора Бобрикова. Навърно этотъ день не будетъ также забытъ населеніемъ края. Время, прошедшее съ 1904 года, было самымъ богатымъ по событіямъ въ исторіи Финляндіи.

страннымъ чувствомъ «Съ мысленно минувшее десятилътіе. проходишь Нашъ государственный корабль готовъ былъ погрузиться въ пучину, но громадная волна вынесла насъ на свой пънистый гребень. Намъ дана была возможность бросить взглядъ въ просторъ страны свободы, чтобы погрузиться въ пучину. Всѣмъ богатымъ снова

объщаніямъ вскоръ измънили. Мечта о закономърной будущности и о свободномъ конституціонномъ развитіи не осуществилась, и никто не можетъ предсказать, когда эта дъйствительность будетъ нашей.

«Смерть Генералъ-Губернатора Бобрикова была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи перваго злосчастнаго періода».

«Ходъ событій» десятилътія.

Изложивъ затѣмъ послѣдовавшія событія, газета продолжала:

«Ходъ событій лучше всего характеризуется прогрессіей: Герардъ-Бекманъ-Зейнъ. Оріентировочные пункты:

«Переходъ русской Думы лагерь посредствомъ интерпелляцій нападающихъ финляндскому вопросу въ 1908 году. Незаконный порядокъ доклада дълъ отъ 2 іюня 1908 года. Начало дезорганизаціи управленія увольненіемъ половины конституціонныхъ сенаторовъ... Постоянные роспуски сейма, формально корректные, но въ сущности противоръчащіе основнымъ законамъ (!).... Наконецъ, называемый законъ равноправіи такъ o возмутительныя карательныя мѣры противъ чиновниковъ, отказавшихся содъйствовать проведенію постановленія... названнаго незаконнаго болѣе тяжелой, чувствуется такъ помрачается большими разочарованіями, и перерывъ не былъ достаточенъ для необходимаго отдыха... Ближайшее будущее кажется мрачнъе, чъмъ когдалибо... Шагъ за шагомъ подрывается общественное зданіе, выросшее въ теченіе въковъ (!), благодаря трудамъ многихъ поколѣній».

Несмотря такія безнадежныя, на зрѣнія, сепаратистской точки послѣдствія финляндской борьбы, дошедшей до столь отчаяннаго преступленія, какъ убійство высшаго должностного лица, газета рѣшается утверждать, что вся эта борьба для сепаратистовъ не опасна: «Опасность для насъ не въ томъ, что мы теряемъ, постоянно протестуя, такъ-какъ вернемъ. Величайшая опасность явится, если мы отъ утомленія перестанемъ реагировать противъ беззаконій почувствуемъ себя И склонными согласиться мнимо-законное положеніе»... на дѣйствіе Парализующее отчаянія упадокъ гражданскаго духа являются нашими опаснъйшими врагами».

Такими призывами къ продолженію отчаяннаго сопротивленія встр'тила финляндская печать день 4 іюня 1914 года.

Слѣдомъ за «Dagens Press», въ качествѣ застрѣльщика, потянулись и другія газеты, прежде всего, конечно, шведоманскія. Первымъ дѣломъ приступили онѣ, какъ и «Dagens Press», къ оцѣнкѣ минувшаго десятилѣтія и изъ обзора его дѣлали тотъ напередъ имъ заданный выводъ, что необходимо продолжать сопротивленіе во что-бы ни стало. Горькій для нихъ опытъ истекшаго десятилѣтія признавался ими столь-же мало для нихъ поучительнымъ, сколь мало возмутительнымъ и совершенное десять лѣтъ назадъ кровавое злодѣяніе.

«Завтра исполнится десять лѣтъ со дня смерти Генералъ-Губернатора Бобрикова. По слухамъ, Сенатъ

прочія руссифицированныя власти нам'трены особыми точтить этотъ день торжественными поминками. Финскій народъ также помянетъ этотъ день, но совершенно иначе. Мы не должны справлять его, какъ обыкновенный праздникъ (!), но тъмъ болъе имѣется для того, чтобы поводовъ остановиться на замъчательныхъ событіяхъ нашей исторіи, наступившихъ новѣйшей вслѣдъ назначеніемъ названнаго сатрапа Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ», — такимъ своеобразнымъ красноръчіемъ начинала свою статью «Tammerfors Nyheter» (1914 г., № 90), заканчивая ее неизмѣннымъ призывомъ:

«Tammerfors Nyheter» о десятилътіи.

«Въ послъднее время развитіе направляется поклонниками Бобрикова къ цъли, намъченной этимъ обрусителемъ. Правда, что формы нъсколько измънились со времени Бобрикова, но остались столь же опасными. Однако наша собственная исторія поучаетъ насъ, что при самомъ отчаянномъ положеніи народъ, не потерявшій въры въ себя, можетъ ожидать спасенія».

Газета «Östra Nyland» (1914 г., № 46) идетъ еще дальше и соединяетъ обзоръ минувшаго десятилътія и призывъ къ продолженію отчаянной борьбы съ самымъ откровеннымъ прославленіемъ Евгенія Шаумана и приглашеніемъ вдохновляться одушевлявшими его чувствами; хотя и съ оговоркой, что «какъ-бы тяжело ни ложился гнетъ и какъ-бы глубоко ни укоренилась въ сердцѣ каждаго патріота ненависть къ главному представителю режима, тѣмъ не менѣе борьба не

должна была выходить за предълы пассивнаго сопротивленія».

«Но вотъ — продолжаетъ газета — въ одинъ изъ солнечныхъ лѣтнихъ дней разнеслась въ странѣ вѣсть о совершенномъ Евгеніемъ Шауманомъ дѣяніи... Поступокъ сравнительно мало обсуждался публично, да въ этомъ и не было необходимости. Зато тѣмъ больше разговоровъ было съ глазу на глазъ... Портретъ Евгенія Шаумана появился въ большинствгь домовъ, и странное чувство волненія охватывало всѣхъ при взглядѣ на худощавую юношескую фигуру, съ тонкими и одухотворенными чертами лица...

«Нашей страны коснулся цѣлый рядъ мъропріятій, насильственныхъ совершенно разрушившихъ ея государственное устройство. Права сейма все болъе и болъе уръзывались, и значеніе его обрусительная работа ведется величайшего энергіею, лучшіе изъ нашихъ гражданъ заключаются въ русскія тюрьмы, а обруствшій Сенатъ устраиваетъ по случаю десятилътней годовщины со дня смерти Бобрикова траурныя торжества и учреждаетъ стипендіи.

«Другая будущность для родного края грезилась Евгенію Шауманъ въ тотъ моментъ, когда онъ направилъ оружіе противъ своего сердца. Неужели же дъяніе его было напраснымъ?

«Любовь къ родинъ вложила въ руку Е. Шаумана смертоносное оружіе. Теперь, спустя десять лѣтъ, лучшіе и достойнѣйшіе граждане Финляндіи продолжаютъ борьбу, руководимые тою же любовью, но вооруженные другимъ оружіемъ».

«Tampereen Sanomat».

Газета «Tampereen Sanomat» (1914 г., № 135) писала:

«Сегодня во вторникъ, 16 іюня, минуло десять лътъ со дни смерти Генералъ-Губернатора Бобрикова.

«Онъ палъ жертвой системы, представителемъ которой онъ являлся. Взявъ на себя исполненіе задачи полной русификаціи Финляндіи, онъ приступилъ къ своей работъ со всею присущею ему энергіей и силой. Сенатъ превратился въ его послушное орудіе, и многіе болъ важные посты были замъщены преданными режиму слугами.

«Но Генералъ-Губернаторъ Бобриковъ слишкомъ высоко мѣтилъ. Это онъ потомъ понялъ, но уже поздно.

«Револьверный выстрѣлъ Евгенія Шаумана, сразившій Генералъ-Губернатора Бобрикова, былъ направленъ противъ всего установившагося тогда режима насилія».

Отмътивъ затъмъ «слишкомъ кратковременный» перерывъ той политики, начало которой положилъ генералъ Бобриковъ, газета продолжала:

«Въ минувшій десятилѣтній періодъ времени, несмотря на всю его краткость, финскому народу пришлось пережить очень многое. Онъ разрушилъ всѣ наши надежды на возможность начать мирное развитіе нашихъ жизненныхъ условій на почвѣ своихъ законовъ и приняться, сообразуясь съ ними, за осуществленіе многихъ соціальныхъ реформъ. Вмѣсто желанной и ожидаемой политической свободы намъ приходится вести теперь еще болѣе прежняго ожесточенную

борьбу, отстаивая наши унаслѣдованныя отъ предковъ права и общественный строй.

«Граждане должны быть теперь готовыми продолжать вести эту борьбу и побъдить. Этому обязуетъ насъ память Евгенія Шаумана, героя, пожертвовавшаго своею жизнью за свободу отечества».

«Åbo Underrättelser».

Совершенно въ томъ-же духѣ, но съ еще гораздо большими восхваленіями Шаумана писала «Åbo Underrättelser» (1914 г., № 162).

«Сегодня истекло десять лѣтъ со дня, когда генералъ-губернаторъ Н.И. Бобриковъ палъ отъ руки Евгенія Шаумана, десять долгихъ, тяжелыхъ лѣтъ, принадлежащихъ къ самымъ мрачнымъ годамъ нашей исторіи послѣ «великой разрухи». Сенатъ и нынѣшній Генералъ-Губернаторъ, ученикъ убитаго, намѣрены торжественно помянуть день десятилѣтней годовщины.

«Финскій народъ не будетъ праздновать этого дня. Но 16 іюня 1904 года навсегда запечатлѣлось въ сознаніи нашего народа и въ исторіи Финляндіи...

«Самое глубокое значеніе выстрѣловъ Шаумана заключалось въ томъ, что они показали, какъ система беззаконія втягиваетъ въ анархію даже тѣхъ, кто не одобряетъ ее.

«Въ письмѣ къ другу, приложенномъ къ извѣстному письму къ Монарху, которое было при Евгеніи Шауманѣ въ моментъ его дѣянія, онъ пишетъ: «Къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ нельзя относиться иначе, какъ съ неодобреніемъ». Ему была вполнѣ ясна этическая сторона кроваваго акта, но онъ

не видѣлъ иного исхода и былъ готовъ цѣною своей жизни заплатить за жизнь, которую отнялъ.

«Просто и захватывающе изложенъ планъ Шаумана въ письмъ къ Монарху. Нельзя придумать болъе жестокаго приговора системъ. Свое дъяніе онъ характеризуетъ, какъ мъру необходимой обороны въ цъляхъ обезвредить Бобрикова.

«Это письмо меньше всего революціонное обращеніе; оно только даетъ объясненіе. Заканчивается оно выраженіемъ върно подданнической преданности. Одна изъ газетъ русской оппозиціи выразилась объ этомъ письмъ, что оно отличается «глубокимъ трагизмомъ, трагизмомъ лояльности, доведенной до самоотреченія».

Лицо, называющее себя преданнъйшимъ върноподданнымъ Монарха, прибъгаетъ къ револьверу, какъ единственному средству противъ насилія и гнета».

Изображая затъмъ Шаумана, со ссылками на заграничную печать, какъ жертву того якобы отчаянія, въ которое ввергли Финляндію мъропріятія генерала Бобрикова по укръпленію связи Финляндіи съ Имперіей, газета переходила къ нынъшнему положенію:

«Измѣнилось ли съ тѣхъ поръ положеніе? Едвали. Послѣ короткаго проясненія, вернулся тотъ же антиконституціонный режимъ, тѣ же самыя притѣсненія. Единственное различіе заключается въ томъ, что система нынѣ опирается на Столыпинскую Государственную Думу. Но она не болѣе, какъ новая форма проявленія бюрократизма. Въ основаніи же все осталось по старому.

«Тѣ, кто нынѣ управляетъ курсомъ, ничему не

научились и ничего не забыли».

Выводы изъ подобныхъ разсужденій сводились къ тому, что русская власть должна выбрать: или предоставить финляндскимъ сепаратистамъ окончательно отдълить Финляндію отъ Россіи, или винишь самое себя въ томъ, что они впадутъ въ отчаяніе начнутъ проявлять върноподданническую преданность Монарху политическими убійствами. Другого выбора, убъжденію шведоманскихъ публицистовъ, нътъ.

«Helsingin Sanomat».

За подобными разсужденіями шведоманскихъ газетъ потянулись, по мъръ силъ, и младофинскія. Напр., «Helsingin Sanomat» (19 14 г., \mathbb{N}^{0} 101) писала:

«Сегодня исполняется десять лѣтъ со дня смерти Генералъ-Губернатора Бобрикова. По слухамъ, нынѣшній Финляндскій Сенатъ торжественно празднуетъ его память. Для насъ же этотъ памятный день напоминаетъ о мрачной исторіи постигшаго Финляндію перваго лихолѣтья, съ которымъ тѣсно связано имя Бобрикова».

Изображая затѣмъ это «лихолѣтье» въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, газета продолжала: «Затѣмъ послѣдовалъ другой болѣе свѣтлый періодъ развитія, который столь же достопамятенъ въ исторіи нашего народа. Правда, онъ былъ непродолжительнымъ, ибо наступило новое тяжелое время угнетенія, когда подъ руководствомъ новыхъ людей было возстановлено многое изъ созданнаго Бобриковымъ и сдѣлано много сверхъ того. Несмотря на свою непродолжительность, этотъ разсвѣтъ, однако, показалъ намъ, что даже самое

лютое угнетеніе и давленіе должно ослабнуть и что даже самое жестокое попираніе права и разрушеніе существующаго закономърнаго порядка не останется продолжительнымъ, если народъ самъ не откажется отъ своего правового порядка и не согласится признать беззаконіе. Это убъжденіе, на которомъ основывается наше тяжелое, тихое сопротивленіе противъ возрастающей системы угнетенія, непосредственно связано съ воспоминаніями о покойномъ угнетателъ, и это служитъ намъ ободреніемъ въ наступившее теперь новое мрачное время».

Соціалъ-демократическіе отклики. «Arbetet».

Соціалъ-демократическая печать — хотя и не единогласно — позволила себѣ нѣсколько другое, болѣе критическое отношеніе къ злодѣянію, десятилѣтіе котораго такъ прославлялось проповѣдниками будто-бы «пассивнаго» сопротивленія. Газета «Arbetet» (1914 г., № 46) писала:

«Внъ сомнънія, что дъяніе Шаумана предварительно не было извъстно никому, кромъ него. Онъ оставилъ письма, въ которыхъ формально завъряетъ въ этомъ. Но что его поступокъ отвъчалъ настроенію всегда оппозиціонныхъ частей тогдашняго буржуазною класса, явствуетъ между прочимъ изъ того, что у Шаумана явилось много послъдователей, хотя ихъ дъянія не получили той поэтической окраски, Шаумана. Убійство Бобрикова какъ актъ слъдовательно было результатомъ тъхъ чувствъ, которыя длинный рядъ правонарушеній возбудилъ въ названныхъ слояхъ населенія, гдт приходили въ

отчаяніе отъ понесенныхъ пораженій, были недовольны слабъвшею изъ года въ годъ конституціонною политикою сопротивленія и поэтому инстинктивно стали склоняться къ новымъ средствамъ борьбы.

«Соціалъ-демократическое міровоззртніе достаточно твердо укоренилось среди рабочаго класса для того и ищетъ спасенія не въ подвигахъ отдъльныхъ Террористическая тактика лицъ. встръчала сочувствія среди нашего пролетаріата. Разумъется, не безразлично, съ какимъ противникомъ ведешь борьбу, и напримъръ во время всеобщей забастовки Бобриковъ, конечно, нанесъ бы больше вреда, чъмъ безвольный князь Оболенскій. Но при классовой или народной борьбъ за свободу ни въ какомъ случав не нужны террористическія мысли, и ихъ слѣдуетъ избѣгать въ виду того зла, которое является ихъ послъдствіемъ. Во время сильнаго освободительнаго движенія, какъ въ 1904—1905 г.г. въ Финляндіи, въ нихъ нътъ нужды, а въ эпоху реакціи они лишь даютъ лишній случай реакціи вмѣшаться, мстя и все уничтожая.

«Что пролетаріатъ уже въ то время смотрѣлъ на убійство Бобрикова съ этой точки зрѣнія, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ нашего нѣмецкаго братскаго органа «Vorwärts», высказанныхъ 16 іюня 1904 г.: Основою акта Евгенія Шаумана послужила не какая либо важная соціальная причина; не отчаяніе обиженнаго судьбою или голодающаго вызвало его. Покушеніе на Бобрикова — національный актъ, выраженіе негодованія униженнаго патріотизма противъ гнета чуждой власти. Эксплоатируемый классъ не направляетъ выстрѣловъ

противъ эксплоатирующихъ классовъ. Классъ, къ которому принадлежалъ Шауманъ, тотъ, который еще недавно держалъ въ своихъ рукахъ управленіе Финляндіею и который черезъ русскую политику видитъ себя вытъсненнымъ и отставленнымъ назадъ».

«Työlaisnuoriso».

Попытку соединенія соціалъ-демократическаго неодобренія злодѣянія съ сепаратистскимъ возведеніемъ его въ національное событіе, даже еще въ сгущенномъ видѣ, дѣлаетъ газета «Työlaisnuoriso» (1904 г., № 27):

«Минуло десять лътъ съ того дня, когда пуля Евгенія Шаумана свалила Генералъ-Губернатора Бобрикова, худшаго и наиболъе безцеремоннаго представителя восточнаго деспотизма... По случаю этою памятнаго дня нъкоторыми буржуазными группами были организованы юбилейныя торжества. По обыкновенію нашей буржуазіи, на упомянутыхъ торжествахъ и въ газетныхъ статьяхъ приписывались этому столь нашумъвшему выстрълу чрезвычайное значеніе вмѣстѣ СЪ тъмъ указывалось, И послъдовавшая затъмъ слабость и неувъренность восточной правительственной власти обусловливается лишь этимъ смертельнымъ выстрѣломъ. однимъ Неудивительно образомъ, Евгенія такимъ что какъ національнаго Шаумана чтятъ, героя, превозносять до небесь совершенное имъ дъяніе.

«Освѣдомленные относительно истинныхъ причинъ ослабленія тогдашней реакціи, мы не можемъ придавать упомянутому выстрълу того значенія,

которое приписывается ему въ кругахъ шведской молодежи. Мы знаемъ, что гибель одного человъка не значитъ ничего для нынъшняго режима, послъдствія, казавшіяся послъ паденія Бобрикова, наступили бы во всякомъ случаѣ, хотя бы Шауманъ и не направилъ своего револьвера противъ представителя реакціи. Мы знаемъ, что отдъльныя насилія никогда не двигали д'вла впередъ, наоборотъ, приносили неръдко больше вреда, чъмъ пользы. Но это не даетъ намъ основанія отказать въ признаніи героемъ человъка, который пожертвовалъ свою молодую жизнь за дѣло, признаваемое имъ правымъ, и не устрашился при этомъ унести съ собою въ могилу ужасное во всякомъ случат имя убійцы. Слъдовательно, хотя мы и убійство Бобрикова безцъльнымъ употребить болъе сильное выражение мы затрудняемся, тъмъ не менъе мы не можемъ не отнестись съ уваженіемъ къ памяти человѣка, совершившаго десять лътъ тому назадъ то, въ чемъ онъ видълъ пользу для своего народа и для своей страны. Мы не можемъ не обнажить головы при воспоминаніи о человъкъ, который послъ молчаливаго и серьезнаго размышленія ръшился добровольно умереть за свой народъ — такъ онъ думалъ, и цѣною своей жизни привести въ исполненіе приговоръ, постановленный огромнымъ большинствомъ народа».

Воспоминанія сотрудника «Hufvudstadsbladet» о событіи преступенія.

Среди подобныхъ воздаяній дани ненависти къ павшему Генералъ-Губернатору и восхищенія «національному герою», убійцѣ Шауману, сотрудникъ

газеты «Hufvudstadsbladet» (1914 г № 163) воспроизводилъ во всѣхъ подробностяхъ картину трагическаго событія, какъ оно совершилось и было воспринято десять лѣтъ назадъ:

«Въ моей памяти проходить серія пестрыхъ картинъ изъ эпохи, окончившейся такъ внезапно и неожиданно десять лѣтъ назадъ. Отчетливо и ясно стоять эти картины еще въ памяти. Контуры не полиняли, не стушевались. Я помню сырой осенній день. Мы ждали двухъ товарищей, которые должны были сообщить намъ о происходившемъ какъ разъ тогда пріемѣ вновь назначеннаго Генералъ-Губернатора Бобрикова. Носился слухъ, что онъ скажетъ программную рѣчь, и это именно было для насъ любопытно.

«Наконецъ, пришелъ человѣкъ съ новостями; характеристика новаго лица была слѣдующая: онъ производитъ впечатлѣніе мощной, почти грубой силы, но честной. Въ немъ нѣтъ ничего двуличнаго или коварнаго.

«Мы тогда были молоды и видѣли все въ томъ же розовомъ свѣтѣ, который окружалъ наши собственныя мечты о будущности. Намъ сейчасъ же стало ясно, что наша культура произведетъ на него впечатлѣніе. Онъ здѣсь будетъ вдыхать западноевропейскія бациллы. Не впервые случилось бы, чтобы честный противникъ превратился въ преданнаго друга.

«Насталъ затъмъ 1899 годъ, который никогда не забудется тъмъ, кто тогда участвовалъ въ политической жизни. Воздухъ былъ полонъ слухами, одинъ необычайнъе другого. Никто не думалъ, не говорилъ ни

о чемъ другомъ, какъ о томъ опустошеніи, которое тогда угрожало нашему краю. Что скажетъ Сенатъ?

«Видъли траурныя декораціи въ окнахъ и въ трауръ одътыхъ людей на улицахъ. И затъмъ наступили тяжелые дни, когда уязвленное правосознаніе народа и горькое разочарованіе разражались, иногда въ формъ далеко не симпатичной, надъ тъми, которые измънили знамени.

.....

«16 іюня 1904 года былъ ясный лѣтній день. Я сидѣлъ одинъ въ бюро въ сонливомъ настроеніи надъ рукописью. Затѣмъ пришелъ знакомый, усѣлся на диванъ и отеръ потъ со лба.

«Зазвонилъ телефонъ, и я сонно отвътилъ «hallo».

«Мужской голосъ сказалъ: «Что то случилось въ Сенатъ. Я сижу въ лавочкъ, гдъ продаютъ прохладительные напитки, у сенатской площади. Только что пріъхалъ Генералъ-Губернаторъ и вошелъ, а теперь черезъ площадь бъгутъ со всъхъ сторонъ полицейскіе и офицеры».

«Разговоръ кончился.

^{«—} Случилось ли что либо въ Сенатъ? Нъсколько человъкъ съ носилками бъгутъ черезъ площадь въ Сенатъ.

^{«—} Новый звонокъ. Звонили изъ Сената.

^{«—} Кто-то стрѣлялъ въ Бобрикова.

^{«—} Что ты говоришь? Онъ умеръ?

^{«—} Нѣтъ, лишь слегка раненъ. Лишь царапина на шеѣ.

^{«—} Можешь узнать подробности?

«— Попробую.

«Теперь телефонъ началъ работать безпрерывно. Нѣкоторые желали узнать, случилось ли что, другіе — что случилось, такъ какъ никто внѣ сенатскаго зданія еще не имѣлъ понятія о томъ, что въ дѣйствительности произошло.

«Снова позвонили изъ Сената. Теперь все было извъстно. Когда генералъ поднялся во второй этажъ Сената, внезапно раздался выстрълъ, затъмъ еще два, и немедленно же снова два выстръла, которые Евгеній Шауманъ направилъ себъ въ сердце.

«Раненый двумя пулями — третья попала въ орденъ — генералъ, шатаясь, вошелъ въ пріемную зала засъданія Сената и опустился на диванъ.

- «— Рана опасна?
- «— Этого я еще не знаю, но ему трудно сдѣлать операцію. Его повезутъ въ хирургическую больницу, я бы послѣдовалъ за нимъ, но запертъ въ Сенатѣ. Никого не впускаютъ и не выпускаютъ.

«Новость распространилась съ быстротою молніи. Всѣ телефоны редакціи безпрерывно звонили. Мало было такихъ, которые спрашивали, что случилось, теперь всѣ сообщали, какъ это произошло. Нѣкоторые разсказывали, что Генералъ-Губернаторъ умеръ, другіе, что онъ здоровъ и въ экипажѣ уѣхалъ домой. Разсказывали, что десятокъ-другой сенатскихъ чиновниковъ арестованъ, и что Сенатъ окруженъ войсками и т.д. Не было конца сообщеніямъ.

«Я не думаю, чтобы телефономъ когда либо пользовались такъ, какъ тогда. Всъ провода были заняты весь день и всю ночь. И въ бюро безпрерывно приходили посътители, иные спрашивали, другіе

разсказывали.

«Затъмъ пришло извъстіе объ операціи, и тогда напряженіе достигло высшей точки. Будетъ ли живъ больной, или умретъ?

«Рестораны были переполнены. Всъ обсуждали великое событіе. Всъ слышали что-то отъ кого-то и разсказывали дальше, большей частью неправду.

«Вечеромъ не было свободнаго стула въ ресторанѣ «Капеллетъ». Тамъ царило настроеніе, какъ въ комнатѣ больного. Почти что шептались, и на всѣхъ напряженно молчаливыхъ губахъ читался одинъ и тотъ же вопросъ. Напротивъ музыкальнаго павильона сидѣла за нѣсколькими сдвинутыми столами группа городскихъ врачей: они обсуждали случай съ научной точки зрѣнія и были различнаго мнѣнія.

«На всѣхъ улицахъ и углахъ стояли люди и тихо говорили въ напряженномъ состояніи. Когда я шелъ домой по Западному шоссе — я былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы ѣхать въ трамваѣ, я долженъ былъ что либо дѣлать, двигаться, устать, чтобы успокоить возбужденные нервы — встрѣчные таращили на меня глаза, какъ бы желая прочесть въ моихъ глазахъ, что я знаю. Многіе простые мужчины и женщины останавливали меня и спрашивали: живъ ли онъ.

«Въ пятницу утромъ я стоялъ въ дверяхъ и ждалъ газетчика. Ни слова о томъ, живъ или умеръ больной. Лишь написанное Губернаторомъ Кайгородовымъ сухое извъщеніе слъдующаго содержанія:

«Сегодня 16 Іюня въ 11 час. утра на площадкъ лъстницы второго этажа въ зданіи Сената произведено покушеніе на Финляндскаго Генералъ-Губернатора,

командующаго войсками, Генералъ-Адъютанта Н.И. Бобрикова, причемъ Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ раненъ тремя выстрѣлами изъ револьвера. Преступникъ, Евгеній Шауманъ, застрѣлился тутъ же».

«Я поспъшилъ въ бюро. На Генрихской улицъ я встрътилъ человъка, который, судя по наружному виду, занимался нагрузкой и разгрузкой угля. Онъ остановилъ меня и въ видъ отвъта на незаданной мною вопросъ, но который онъ чувствовалъ, сказалъ:

«— «Онъ умеръ. Въ часъ ночи».

«Совершенно правильно, флагъ на домѣ Генералъ-Губернатора былъ приспущенъ. Флагъ говорилъ на своемъ нѣмомъ языкѣ, не было человѣка въ городѣ, который бы не зналъ, что Бобриковъ умеръ, но газетамъ запрещено было писать объ этомъ. Намъ не разрѣшили даже выпустить утромъ экстренныхъ бюллетеней.

«Позднѣе, напротивъ, газетамъ предписали написать «статью съ выраженіемъ сожалѣнія» о случившемся. Мы встрѣтились, четверо газетныхъ сотрудниковъ отъ этой газеты и газетъ «Helsingfors Posten» и «Helsingin Sanomat», въ ресторанѣ «Капеллетъ». Редакторъ газеты «Helsingfors Posten» написалъ статью, которая была напечатана во всѣхъ трехъ газетахъ. — «U. S.» написала самостоятельно.

«Сущность этой общей статьи заключалась въ выраженіи надежды, что «дъйствительныя причины случившагося будуть раскрыты на благо будущности».

«Прахъ почившаго Генералъ-Губернатора съ помпою былъ отвезенъ на вокзалъ, чтобы похоронить его въ Петербургъ.

«Тъло Евгенія Шаумана было отвезено

полицейскимъ санитарнымъ служителемъ ВЪ мертвецкую у Альчэръ. Оттуда оно было отправлено поздно ночью съ экстреннымъ поъздомъ въ Мальмъ. Присутствовало лишь множество полицейскихъ, отецъ покойнаго и пасторъ, которому разрѣшили только прочесть погребальную молитву. Гробъ, плохой и небрежно сколоченный, опустили полицейскіе веревкахъ, одолженныхъ могильшикомъ.

«Два года спустя, въ чудный майскій день, тотъ же гробъ, завернутый въ желто-красное знамя, былъ отвезенъ въ Борно и поставленъ въ фамильномъ склепъ при трогательно-торжественномъ настроеніи тысячи присутствовавшихъ ⁴».

Эти заключительныя строки замѣняютъ подъ перомъ шведоманскаго журналиста публицистическій комментарій ко всему предыдущему изложенію. Вообще, похороны убійцы въ «плохомъ, небрежно сколоченномъ гробу», гораздо болѣе волнуютъ финляндскихъ шведовъ, чъмъ то, что ихъ партія оказалась запятнанной злодъйствомъ. Это пятно они напротивъ, своимъ преимуществомъ, своей гордостью непримиримыхъ враговъ, гордостью сепаратистовъ, символизованной желто-краснымъ знаменемъ на гробу убійцы. О тъхъже похоронахъ газета «Dagens Press» (1914 г., № 81) писала:

Воспоминанія «Dagens Press» о похоронахъ.

«20 іюня хоронили Генералъ-Губернатора. Всъ улицы отъ дома Генералъ Губернатора до Успенскаго

73

 $^{^4}$ Примъчаніе составителя. При Генералъ-Губернаторъ Герардъ.

собора и станціи желѣзной дороги были оцѣплены. Вѣдомства и учрежденія, ордена и яркія ленты, мундиры, какъ военные, такъ и гражданскіе. Всякій, кто хотѣлъ, могъ пройти сквозь шпалеры войскъ, окаймлявшихъ улицы, и присоединиться къ процессіи, которая, такимъ образомъ, представляла довольно пестрый составъ. Благоговѣніе и торжественность замѣчались по церковному пѣнію и восковымъ свѣчамъ, которыя пѣвчіе несли передъ гробомъ.

«Время похоронъ Евгенія Шаумана сохранялось подлежащими властями въ строжайшемъ секретъ. Полицейскій санитаръ и его помощникъ забрали тъло въ зданіи Сената, какъ тюкъ бросили на телѣгу живодера и отвезли въ мертвецкую за Альчэръ. Сюда былъ допущенъ лишь врачъ, производившій вскрытіе. Все же какимъ то неизвъстнымъ способомъ на гробъ были возложены цвъты. Въ прелестную лътнюю ночь тъло было отвезено по желъзной дорогъ въ Мальмъ, причемъ паровозомъ управлялъ желѣзнодорожный чиновникъ, исполненія такъ какъ ОТЪ обязанностей всъ машинисты казенныхъ желъзныхъ дорогъ отказались. Въ одномъ изъ угловъ кладбища гробъ опустили въ могилу. Восходящее лътнее солнце освъщало своими лучами могилу, въчный миръ покоился надъ прахомъ. Но настало все же другое время. Прахъ Евгенія Шаумана покоится теперь въ фамильномъ склепъ на кладбищъ въ Борго, пирамида высокимъ надгробнымъ камнемъ камней СЪ покрывають лишь пустую могилу на кладбищъ недалеко отъ станціи Мальмъ».

Воздавая, такимъ образомъ, дань своей ненависти, не погашенной даже и десятилътней

давностью, къ русскому патріоту, павшему жертвой этой же ихъ ненависти, финляндскіе дѣятели сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы день десятой годовщины его трагической кончины превратить въ національный финляндскій праздникъ чествованія имени «героя» — убійцы.

Несостоявшееся чествованіе памяти убійцы.

По сообщенію «Turun Sanomat» (1914 г., № 136), «младофинская молодежь въ Таммерфорсъ полагала устроить торжество въ память Евгенія Шаумана въ ресторанъ Пюникки. Утромъ въ тотъ же день одинъ изъ редакторовъ газеты «Татрегееп Sanomat» былъ приглашенъ въ полицейское управленіе, гдѣ ему заявили, что устройство подобнаго торжества запрещается. Редакторъ увърялъ, что устроители торжества для него неизвъстны».

Несмотря, однако, на объявленное запрещеніе, группа горожанъ собралась празднованія памяти Евгенія Шаумана. На мѣсто прибыли два полицейскихъ комиссара. Участники сидѣли сначала за маленькими столами, но когда они затъмъ хотъли было сдвинуть столы И начать торжество пѣніемъ, комиссары заявили, собраніе силою, если закроютъ оно продолжаться. При обстоятельствахъ такихъ присутствовавшіе отказались отъ своего намъренія. Въ лъсу, по близости ресторана, находилось большое пѣшихъ полицейскихъ. конныхъ И количество Владъльцу ресторана было заблаговременно сообщено, что если проектированное торжество будетъ устроено въ ресторанъ, то полиція вмъшается и закроетъ его».

Украшеніе цвѣтами могилы преступника.

На первый разъ дъло ограничилось украшеніемъ цвътами могилы Евгенія Шаумана з іюня. По словамъ «Dagens Press» (1914 г., № 83), утромъ въ этотъ день на могилу Евгенія Шаумана въ Борго возложенъ былъ роскошный вънокъ изъ пальмовыхъ листьевъ и желтыхъ и красныхъ розъ, съ лентами нюландскихъ цвѣтовъ и тисненною золотомъ надписью: «Памяти Евгенія Шаумана. Память твоя будетъ почитаться не съ грустью и не такъ, какъ тъхъ, кто уходитъ и скоро забывается».

«Отъ Нюландской студенческой корпораціи».

Кромѣ того, весь день разныя лица возлагали на могилу цвъты и вънки. По сообщенію «Borgåbladet» (1914 г., № 69), кромъ вънка нюландскихъ студентовъ, на могилу былъ возложенъ еще «одинъ большой, красивый вънокъ изъ лавровыхъ вътвей и розъ, украшенный букетами изъ разныхъ цвѣтовъ». Излишне прибавлять, предполагавшемся что какъ O празднованіи памяти Шаумана въ Таммерфорсъ, такъ и о возложеніи вънковъ на его могилу финляндскошведскія И младофинскія газеты старались производить какъ можно больше шуму. Нѣкоторое чествованіе, въ концѣ концовъ, состоялось и кромѣ возложенія цвътовъ, по словамъ «Borgåbladet» (1914 г., № 71), нъсколько дней спустя «пъвческій хоръ отдъла молодежи вазаскаго общества трезвости исполнилъ въ 5 ч. пополудни нъсколько пъсенъ у памятника Евгенія Шаумана».

Шумъ объ «ограбленіи могилы».

Возложеніе вѣнковъ на могилу преступника сопровождалось своеобразнымъ приключеніемъ, давшимъ поводъ сепаратистской печати къ шумной агитаціи противъ Россіи. Приключеніе состояло въ томъ, что цвѣты и вѣнки съ могилы Евгенія Шаумана вскорѣ исчезли. «Кагjala» (1914 г., № 137) сообщала объ этомъ:

«Въ ночь на 17 (4) число всѣ вънки и цвъточныя декораціи были удалены съ могилы неизвъстными злоумышленниками. Боргоская полиція и ленсманъ Боргоскаго уѣзда увѣряютъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ удаленію цвѣтовъ».

Это происшествіе было сейчасъ же возведено въ чрезвычайной важности, событіе названо «ограбленіемъ» даже «святотатствомъ»(!) и И приписано тайнымъ дъйствіямъ русскихъ агентовъ. Весьма откровенно въ этомъ смыслѣ писала газета «Hufvudstadsbladet» (1914 г., № 165): «Въ ночь на вчера, между 12 и 6 часами вънки и цвъты исчезли. Кто виновенъ въ этомъ святотатствъ, неизвъстно. Полиція находить, впрочемъ, ВЪ Борго не вмъшиваться въ то, что происходить на Нясебаккенъ, такъ какъ кладбище расположено въ Боргоскомъ уѣздѣ».

«Коронный ленсмамъ названнаго увзда, живущій въ городѣ Борго, также ничего не знаетъ о происшедшемъ. Но онъ все же на дняхъ произведетъ разслѣдованіе. Единственное, что мы могли узнать изъ Борго о таинственномъ ограбленіи, это, что третьяго дня видѣли на улицахъ города трехъ или четырехъ неизвѣстныхъ мужчинъ, говорившихъ по русски».

«Helsingin Sanomat» (1914 Nº 163) Г., опредъленнъе: высказывается еще «По всей въроятности, это ограбленіе могилы совершено было мракѣ клевретами нынѣшняго крадущимися ВО режима. Въ четвергъ на могилу были возложены новые ивъты».

Шумъ, поднятый вокругъ этого «ограбленія» и этихъ «клевретовъ режима», очень скоро оказался столь же нелѣпымъ, какъ и всѣ затѣи сепаратистовъ, что, однако, по обыкновенію, нисколько ихъ не смутило. Газета «Helsingin Sanomat» (1914 г., № 164) вынуждена была признать, что «исчезнувшіе съ могилы Шаумана вѣнки не были унесены, злоумышленно были перенесены на могилу отца Шаумана. Произведеннымъ короннымъ ленсманомъ Боргоскаго прихода, А. Линдругомъ, слъдствіемъ, было обнаружено, что... утромъ кладбищенскій сторожъ какого-то полу-барина И молодого наружности человѣка, вертѣвшихся около могилы Шаумана и неожиданно удалившихся оттуда». И газета опять повъствуетъ о какихъ-то неизвъстныхъ русскихъ, къмъ-то видънныхъ въ Борго.

Газета «Hufvudstadsbladet» (1914 г., № 168) многозначительно сообщала о томъ же:

«Исчезнувшіе вѣнки среду вечеромъ ВЪ Евгенія найдены на могилѣ отца Шаумана, находящейся невдалекъ ОТЪ могилы сына. Разслѣдованія полиціи по поводу такого страннаго исчезновенія и появленія цвътовъ пока не привели ни къ чему другому, кромъ установленія факта, что какойто неизвъстный и подозрительный мужчина былъ замѣченъ около 6 ч. утра на кладбищѣ. Онъ былъ небольшого роста, одътъ въ свътлый костюмъ и мягкую фетровую шляпу. Дознаніе продолжается».

Протесты противъ чествованія памяти генерала Бобрикова.

Не выражая ни малъйшей признательности русской власти, допустившей украшеніе могилы убійцы цвътами съ многозначительными надписями и не распорядившейся ихъ удаленіемъ и, напротивъ, поднимая нелъпый шумъ по поводу перенесенія къмъто этихъ цвътовъ съ могилы сына на могилу отца, сепаратистская печать предприняла, однако, безъ всякою стъсненія, бурную кампанію противъ всякаго чествованія памяти трагически погибшаго русскаго государственнаго дъятеля, патріота и безупречнаго человъка, выискивая для такой кампаніи самые невъроятные предлоги. Къ удивленію, починъ въ этомъ случав взяла на себя старофинская газета «Uusi Suometar» (1914 г., № 164), какъ-будто стараясь этимъ въ глазахъ «патріотовъ» сгладить свое молчаніе по части чествованій Шаумана. Едва-ли къ выступленію въ этомъ направленіи можно было бы придумать поводъ менъе приличный, чъмъ это сдълала старофинская газета: именно, совершеніе въ зданіи Императорскаго Финляндскаго Сената православной панихиды.

Негодованіе противъ православной панихиды въ Императорскомъ Сенатъ. «Uusi Suometar».

«По всей странѣ — писала «Uusi Suometar» — столичныя газеты распространили извѣстіе, что въ залѣ засѣданій Хозяйственнаго Департамента Сената

устроено было большое чествованіе памяти Генералъ-Губернатора по поводу дня десятилътія его смерти. На торжествъ совершена была православная панихида.... «Что въ память лица, исповѣдовавшаго православное въроученіе, совершается въ день его смерти панихида по обрядамъ этой церкви, вполнъ, конечно, естественно, и противъ этого никто ничего не можетъ возразить. Но дѣло всецѣло измѣняется, если подобное торжество переносится оттуда, гдѣ его мѣсто, изъ православной церкви, въ Финляндскій Сенатъ, въ правительственное учрежденіе высшее народа, своему государственному который, по

⁵ Примъчаніе составителя. Въ Уставахъ Духовныхъ Иностранныхъ Исповъданій (Свода Зак. т. XI, ч. 1, изд. 1896 г.) постановлено:

Ст. 1. Первенствующая и господствующая въра въ Россійскомъ государстввъ естъ Христіанская Православная Каюолическая Восточнаго исповъданія. Но и всъ не принадлежащіе къ сей Церкви подданные государства и иностранцы, въ ономъ пребывающіе, пользуются каждый повсемъстно свободнымъ отправленіемъ своей въры и богослуженія. — Ср. узак., привед. подъ ст. 40 и 44 Зак. Осн.

Примъчаніе (Прод. 1912 г.). Статьи 40 и 44 Основныхъ Законовъ изданія 1892 года, приведенныя въ цитатахъ сей (I) статьи, соотвътствуютъ статьямъ 62 и 66 Основныхъ Законовъ, изданія 1906 года.

Соотвътственная статья 1 Уст. Ин. Испов., изданія 1857 г., была изложена слъдующимъ образомъ:

[«]Первенствующая и господствующая въра въ Россійскомъ государствъ есть Христіанская Православная Каюолическая Восточнаго исповъданія. Но и всъ не принадлежащіе къ сей церкви подданные государства и иностранцы, какъ въ Имперіи такъ и въ Царствъ Польскомъ и Великомъ Княжествъ Финляндскомъ, пользуются каждый повсемъстно свободнымъ отправленіемъ своей въры и богослуженія. Осн. Гос. Зак., ст. 40, 44».

въроисповъданію и по подавляющему громадному большинству своихъ членовъ принадлежитъ къ лютеранской церкви, и когда такому торжеству придается такой характеръ, какъ въ этомъ случаѣ; чегонибудь подобнаго у насъ, дъйствительно, никогда прежде не бывало, о чемъ, правда, и поспъшили оповъстить телеграммами всю Россію, сообщая, что событіе это — первое въ стольтней исторіи Сената Финляндіи.

«По понятіямъ финскаго народа, устроенное подобнымъ образомъ чествованіе не является религіознымъ чествованіемъ памяти; народъ видитъ въ этомъ явное оскорбленіе того, что онъ признаетъ самымъ священнымъ, и это явное проявленіе раздраженія противъ него.

«Объяснимо, быть можетъ, что дѣятельность Бобрикова въ нашей странѣ представляется примѣромъ геройства для тѣхъ, во власти которыхъ находится теперь правительство страны. Но имъ не можетъ быть неизвѣстно, что, по понятіямъ финскаго народа, Бобриковъ стремился уничтожить все то, что народъ этотъ признаетъ своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ».

Въ словахъ газеты проскальзываетъ тотъ прямой смыслъ, что вопросъ о Православномъ богослуженіи въ Сенатъ служитъ только крайне

Въ изданіи 1896 года редакція этой статьи была измѣнена, въ виду неудобства противоположенія имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, примѣнительно къ статьѣ 44 Законовъ Основныхъ (изд. 1892 г.). Такимъ образомъ, въ статьѣ 1 изданія 1896 года выраженіе «государство» понимается со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

неблаговиднымъ предлогомъ для протеста противъ самаго чествованія памяти выдающагося русскаго государственнаго дѣятеля, въ которомъ финляндскіе агитаторы видятъ своего «врага», и въ почитаніи памяти котораго усматривается «вызовъ» чувствамъ финляндскаго народа и «увеличеніе пропасти, раздѣляющей русскій и финскій народы». Не удивительно ли, что такого «вызова» чувствамъ русскаго народа и такого же «увеличенія пропасти» старофинская газета не усматриваетъ въ чествованіи памяти убійцы?

Отвътъ «Финляндской Газеты».

Справедливо говоритъ по поводу этой статьи, озаглавленной «Далеко пошли» (!), «Финляндская Газета» (1914 г., № 129):

«Очевидно, сотрудникъ старофинской газеты забылъ, что панихида совершалась по покойномъ предсѣдателѣ Финляндскаго Сената, кровью своею запечатлѣвшаго вѣрность служебному долгу; забылъ, конечно, сотрудникъ этотъ и то доброжелательное отношеніе, которое покойный Финляндскій Генералъ-Губернаторъ всегда проявлялъ въ отношеніи причта и паствы лютеранской церкви».

Самый вопросъ объ умѣстности богослуженія по обрядамъ государственной религіи въ помѣщеніи Императорскаго государственнаго установленія представляется по меньшей мѣрѣ неприличнымъ. Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что финляндскія газеты не подняли-бы никакого шума, если бы богослуженіе было, напр., католическимъ».

Негодованіе «Hufvudstadsbladet».

Не представляется, поэтому, неожиданнымъ, что бывшія сепаратистскія газеты поспѣшно подхватили починъ старофинской газеты. На первомъ мѣстѣ оказалась, естественно, газета «Hufvudstadsbladet» (1915 г., № 167), напечатавшая передовую статью подъ заглавіемъ «Православная панихида въ Финляндскомъ Сенатѣ», въ которой говорилось:

«Можно вполнъ согласиться съ высказаннымъ въ «Uusi Suometar», что мы далеко зашли, если возможно зрълище православной панихиды по генералъ Бобриковъ въ залъ собраній Сената.

«Если почитатели и единомышленники покойнаго Генералъ-Губернатора изъ единовърцевъ почтили бы его память панихидою въ какомъ либо общественномъ или частномъ помъщеніи, то это было бы ихъ частнымъ дъломъ (!). Но происходившее въ залѣ общихъ собраній Сената нъчто совершенно иное. Это одновременно офиціальное церковное служеніе, устроенное финляндскою администраціею, политическое И правительственной системы, которую чествованіе представлялъ покойный Генералъ-Губернаторъ.

«Въ нашей странѣ евангелическо-лютеранское вѣроученіе является національною религіею, а лютеранская государственная церковь дѣйствительною народною церковью. Всего нѣсколько десятковътысячъ изъ населенія страны принадлежатъ къправославной церкви. Уже этого факта достаточно, чтобы показать, какъ чуждо пониманію нашего народа устройство подобныхъ церковныхъ церемоній, — въ

особенности въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подобныя церковныя службы, да къ тому же по православному обряду, совершенно необычны. Нашъ независимо отъ религіозныхъ взглядовъ вообще, привыкъ относиться серьезно къ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ, и ему не можетъ не претить, когда религіозный обрядъ обращается въ средство политической демонстраціи. Ему должно казаться особенно удивительнымъ, что для сего употребляется церковная церемонія чуждой нашему народу церкви, которая, несмотря на то, что она наравнъ съ другими христіанскими въроученіями пользуется полною свободою (!) и даже извъстными привилегіями въ нашей странъ, — все же остается чуждою и для большинства находящихся на финляндской службъ лицъ, устроившихъ панихиду и присутствовавшихъ на это религіозное по формъ торжество сплетается съ политическимъ чествованіемъ дъяній человѣка, вмѣшательство котораго Финляндіи народъ нашъ признаетъ національнымъ бъдствіемъ».

«Смертельные враги на этотъ разъ проявили рѣзкое единогласіе», замѣчаетъ «Финляндская Газета» (1914 г., № 129) объ этихъ столь сходныхъ протестахъ шведоманской и старофинской газетъ. Во всякомъ случав очевидно, что объ газеты воспользовались поводомъ, чтобы направить свой протестъ одновременно и противъ русской государственной противъ признанія Императорскаго религіи, И Финляндскаго Сената тъмъ, что онъ есть, Императорскимъ русскимъ государственнымъ установленіемъ, и противъ памяти ненавистнаго имъ

русскаго дъятеля, о дъятельности котораго онъ вспоминаютъ какъ о «національномъ бъдствіи» для финляндцевъ-сепаратистовъ.

Газета «Karjalan Lehti» (1914 г., № 139) сопроводила подобный же протестъ патріотически-сепаратистскимъ замѣчаніемъ: «По всей вѣроятности и они (т.е. присутствовавшіе на панихидѣ чиновники) «сказали» что нибудь, но, быть можетъ, тѣ, которые отсутствовали, сказали больше».

Розыскъ «Wiborgs Nyheter».

Газета «Wiborgs Nyheter» по этому поводу произвела даже нѣкоторое изслѣдованіе «сыскного» свойства:

orE» было на самомъ дълъ возмутительно (!), что едва можно было ожидать, чтобы финляндскіе чиновники Сената позволили себъ присутствовать на торжествъ. Они въдь лютеране, и уже по этой причинъ, если они не ръшились привести другой, имъ нечего было дълать на православномъ богослуженіи — объясненіе, данное позже однимъ на вопросъ вице-предсъдателя, почему онъ не былъ на панихидъ. Правда, законопослушные чиновники, еще не ушедшіе изъ сената, взяли на себя непріятную и двусмысленную задачу. Но чтобы при исполненіи ея приказаніе идти далеко И исполнить Боровитинова о присутствіи 16 іюня на торжествъ, должно было бы превысить даже ихъ силы.

«На самомъ дѣлѣ отъ хозяйственнаго департамента не присутствовали чиновники экспедиціи путей сообщенія и духовной экспедиціи. Многіе получили уже отпускъ и поэтому не были въ

городѣ. Но все же разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, носящій финскую фамилію, но врядъ ли принадлежащій къ той же національности, спеціально пріѣхалъ въ городъ, чтобы не упустить празднованія въ Сенатѣ. Самымъ страннымъ въ этомъ замѣчательномъ представленіи было все же то, что въ залѣ засѣданій присутствовали чиновники судебной экспедиціи, и среди нихъ одинъ старый докладчикъ изъ временъ давно минувшихъ».

Негодованіе противъ бюста и стипендій.

Протесты сепаратистовъ не ограничились однако нападками на панихиду. Они пошли еще дальше.

«Можно — писала газета «Dagens Press» (1914 г., N° 87), — быть увъреннымъ въ томъ, что Сенатъ вполнъ сознаетъ, какую насмъшку надъ общественнымъ мнъніемъ нашей страны заключаютъ въ себъ мъры, о которыхъ идетъ ръчь, и что онъ въ большой долъ предприняты для того, чтобы оскорбить и раздражить это мнъніе. Злоба и насмъшка — отличительныя особенности нынъшняго режима.

«Не будемъ говорить здѣсь о бюстѣ человѣка, принесшаго Финляндіи болѣе зла, чѣмъ кто либо, и о политически-религіозной церемоніи въ Сенатѣ, — они говорятъ сами за себя возмутительно ясно.

«Но сообщенія русскихъ газетъ объ учрежденныхъ стипендіяхъ, о чемъ до сихъ поръ лишь ходили темные слухи, заключаютъ въ себѣ нѣчто новое. Оказывается, что эти стипендіи служатъ еще лишнею наградою ташкентцамъ, дѣти которыхъ на деньги финляндской казны будутъ воспитываться въ Россіи,

чтобы затъмъ итти по стопамъ своихъ отцовъ.

«Финляндскую статную кассу опять ограбять, чтобы поддержать имперскихъ любимчиковъ. Возможно, что имъютъ въ виду и приманку для мъстныхъ ренегатовъ. Главнымъ образомъ требуется создать новыя силы, которыя вступятъ въ дъйствіе, когда люди нынъшняго режима утомятся или займутъ должности, съ которыхъ удалятъ туземныхъ чиновниковъ. Финляндскія государственныя средства для этого и существуютъ.

«Чествованіе дня 16 іюня выставило нынѣшнюю систему въ болѣе яркомъ освѣщеніи, чѣмъ когда либо. Засвидѣтельствовавъ свою готовность исполнять дѣла «незабвеннаго», русско-финскій Сенатъ выказалъ свою характеристичную, мелочную страсть насмѣшками и булавочными уколами проявлять свое презрѣніе къ общественному мнѣнію.

«И въ такомъ Сенатъ засъдаютъ финляндскіе граждане. А ихъ върные подчиненные послушно присутствуютъ при провокаціонныхъ поминкахъ»...

«Провокаціонными» оказываются, такимъ образомъ, богослуженія и стипендіи, а не подобныя вызывающія статьи, дышавшія ненавистью къ облагодътельствовавшему Финляндію государству и прославлявшія убійцу!

Возбужденіе судебнаго преслъдованія противъ «Åbo Underrättelser».

Въ концъ концовъ, дъятельность финляндскихъ сепаратистовъ по поводу десятилътія кончины генерала Бобрикова не могла не завершиться тъмъ, къ чему неизмънно приводятъ всъ сепаратистскія

финляндскія затъи и безъ чего господа сепаратисты могутъ успокоиться: судебнымъ не преслѣдованіемъ. По словамъ газеты «Karjala» (1914 г., N° 144), и. о. повъреннаго по дъламъ печати Т. Саарніахо ратгаузскій Абоскій обратился ВЪ ходатайствомъ о возбужденіи судебнаго преслъдованія противъ газеты «Åbo Underrättelser» по поводу статьи по случаю десятилътія со дня смерти Генералъ-Губернатора Бобрикова и помъщенія портрета его убійцы Шаумана. Въ своей жалобъ и. о. повъреннаго указываетъ, что статья содержитъ восхваленіе и защиту преступныхъ дъйствій и такимъ образомъ заключаетъ въ себъ призывъ къ совершенію таковыхъ».

Заключеніе.

Картина, получившаяся при чествованіи въ Финляндіи памяти генерала Бобрикова, сама по себъ лучше всего показала, какъ былъ правъ и прозорливъ Генералъ-Губернаторъ ВЪ дъятельности. Сепаратизмъ, ранъе прятавшійся и прикрывавшійся маскою лойяльности, вслъдствіе принятыхъ понявшимъ его администраторомъ мъръ выяснился во всей своей грубости и неудержимой враждебности къ Россіи. Многое успъло измъниться благодаря усиліямъ послѣдователей и продолжателей Бобрикова, генерала И памяти происходило уже среди гораздо лучшихъ условій, чѣмъ тяжелая его дъятельность и страдальческая кончина. Не измѣнилась только та ненависть враговъ Россіи, которая убила русскаго дъятеля и патріота и которая съ тъмъ большимъ ожесточеніемъ устремилась противъ его памяти, чъмъ больше добрыхъ плодовъ принесъ оставленный имъ посъвъ его жизненнаго подвига. И невольно къ имени его примъняются слова поэта:

Вовѣкъ не зналъ бы онъ враговъ. Когда бы не твои — Россія!